

Философская библиотечка для юношества

О.Я. Стечкин

ЦЕЛЬ

И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Философская библиотечка для юношества

О.Я. Стечкин

**ЦЕЛЬ
И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ**

Москва
Издательство
политической
литературы
1981

Стечкин О. Я.

С79 Цель и целеустремленность.— М.: Политиздат, 1981.— 96 с.— (Философская б-чка для юношества).

Книга представляет собой популярный очерк, в котором споры мудрецов прошлого о смысле и цели человеческой жизни сопоставляются с современным философским пониманием места человека в мире и его назначения. Автор книги, кандидат философских наук О. Я. Стечкин, показывает, что марксистско-ленинское учение вооружает людей необходимыми средствами для решения вопроса о цели жизни. Вместе с тем эту цель каждый человек должен найти, определить и выстрадать сам. В этом ему помогает такое важное моральное качество, как целеустремленность.

Книга адресована широкому кругу читателей, преимущественно молодежи, а также всем интересующимся вопросами этики и коммунистического воспитания.

С $\frac{10507-224}{079(02)-81}$ 137—81 0302050000

87.7
1МИ7

Введении

Лет в четырнадцать — шестнадцать многие начинают задавать себе вопрос о смысле жизни. В этом возрасте и я порой задумывался над загадкой бытия, но не очень терзался, если не находил ясного ответа. Впервые со всей серьезностью вопрос о назначении человеческой жизни встал передо мной во время войны, когда я увидел, что такое смерть.

И на войне бывают минуты относительного затишья, когда можно попробовать разобраться в своих мыслях и чувствах. Смотришь на линию окопов, на змейки ходов сообщения, на своих товарищей в этих земляных норах, и вдруг обжигает мысль. Вот мы здесь зарылись в землю и ждем очередной атаки. Что заставило людей прийти сюда на смерть и страдания, оставить домашние очаги, привычные дела, родных и друзей? Бесконечно дорога жизнь, но ее нельзя купить ценой предательства. Непобедимо сильна любовь к близким, но и ради нее не бегут с поля боя, забыв свой долг. Для человека есть в его жизни нечто, без чего она становится невыносимой, ненужной, что определяет ее *смысл*, ее *цель*.

У меня сложилось убеждение, что проблема смысла жизни переживается очень остро, многим она не дает покоя. В ней люди видят и личную, и социальную проблему. Молодежь интересуется и вопросом о выбо-

ре своего жизненного пути, и предельно широкие философские аспекты смысла человеческой жизни и деятельности. Это очень отраднo. Сегодня нельзя уходить от вопросов о месте человека в мире. Человек расширяет свою власть над природой, и скоро она уже не сможет без его помощи компенсировать пагубные результаты его вторжения. У человека есть место в окружающем мире.

Мысль о бесцельности существования угнетает, порождает разочарованность, сковывает творческие силы, гасит жизненную активность. В связи с этим вопрос о смысле человеческой жизни становится одним из объектов современной идеологической борьбы. У коммунистической целеустремленности есть опасные враги, среди них и буржуазные проповедники, и «многоопытные» обыватели.

В условиях быстрого роста материального достатка и благосостояния народа проблемы жизненной ориентации остаются не менее сложными, в определенном отношении они становятся и более острыми, чем раньше. «Материальные блага для нас,— говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола,— не самоцель, а предпосылка всестороннего развития личности. Поэтому важно, чтобы подъем благосостояния сопровождался обогащением внутреннего мира людей, формированием правильного понимания цели и смысла жизни»¹.

Коммунистическая целеустремленность — колоссальная сила. Она представляет собой научное понимание исторической перспективы, умноженное на живое стремление к ее реализации. Она делает героями обыкновенных людей.

Если общество движется к определенной исто-

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1979, т. 7, с. 292.

рической цели, это, безусловно, отражается на всей духовной жизни народа, на психологии каждого члена этого общества. Дух стремлений и исканий, активная жизненная позиция, чувство движения — характерная черта образа жизни советских людей.

Дело каждого — выбирать себе жизненный путь. Но нужно, чтобы при этом делалось как можно меньше ошибок и промахов. Выбор правильного жизненного пути — существенная предпосылка человеческого счастья. Поэтому создание необходимых условий для правильной жизненной ориентации является важнейшей социальной задачей.

Очень важно вовремя найти свой путь, себя самого, открыть свое призвание, чтобы не терзаться запоздалым раскаянием и не сокрушаться о несостоявшейся жизни. Бывает, что человек, мечтавший о сценической карьере, становится поваром или продавцом и потом твердит, что в нем погиб великий артист. Но весьма возможно, что он ошибочно оценивал свои способности и не был в нем заложен ни Щепкин, ни Станиславский. И стал бы он хорошим поваром, если бы почувствовал себя на своем месте, радовал бы других и радовался сам, а возможность играть на любительской сцене всегда остается открытой.

Потеря уверенности в том, что жизненный путь выбран правильно, чувство разочарования часто становятся началом печальной дороги к апатии, пьянству и т. п. Значит, вопросы эти не только личного характера, а самого насущного социального значения.

Проблема цели и смысла жизни относится к числу так называемых «вечных» вопросов. Она действительно очень сложна и трудна. Сердцевиной этих трудностей нам представляется отношение истори-

ческой необходимости к сознательной целенаправленной деятельности людей.

Многие люди знают, что цели и идеалы есть отражение в сознании объективной необходимости, что человек не остается вечным рабом обстоятельств и может в своих интересах пользоваться осознанными социальными закономерностями. Но при этом знание объективной необходимости и свободные, сознательно принятые решения подчас остаются как бы в параллельных плоскостях. Они сосуществуют, а не соединяются.

Впереди подробный разговор о цели и смысле человеческой жизни. Здесь же, во введении, нам казалось уместным изложить общий взгляд на проблему.

Смысл жизни сообщает ей ценность и целостность — это то, чем отдельное человеческое существование связано с миром, с обществом, с его развитием. Это как бы остающееся в преходящем, зерно бесконечного в малом, бессмертного в смертном.

От смысла жизни неотделимы жизненные цели человека. Цели — субъективное выражение смысла. Чем они значительнее, тем глубже в них воплощается смысл жизни, тем в большей степени они определяют жизненный путь человека.

Многовековой спор

Кто может сказать, сколько их было — искателей смысла жизни? Кто в роскошных носилках под балдахин, кто с посохом и пыльной котомкой за плечами, кто на боевом коне с мечом и в латах, кто с крестом и молитвенником, а кто с заступом и плугом.

Но строго говоря, не мечи и кресты, не заветные книги различают искателей смысла жизни. Их различают те «точки отсчета», с которых они начинают свой поиск. Личность и общество, «Я» и «Мы» — два

разных начала, определяющих две разные линии в истории нравственных исканий.

Принципы, нормы и категории морали в конечном счете имеют своим назначением регулировать отношения между различными формами общности, между семьей, коллективом, классом, государством и отдельным человеком. Поэтому в морали, а также в этических теориях на протяжении веков в единстве и противоречии сосуществуют элементы, выражающие стремления индивида, и элементы, выражающие потребности общества. Ведущей стороной в конечном счете выступает общественное начало. В конкретных исторических условиях все зависит от множества факторов: от характера эпохи, социальных отношений, национальных традиций, от влияния религиозных, философских и собственно этических учений, от достигнутого уровня образованности людей и т. п. «Точками роста» морального сознания являются эпохи социальных революций, вызывающие переоценку старых ценностей.

Нравственность — это та сфера человеческой духовной жизни, в которой отношения между людьми освящаются одобрениями и запретами, пронизаны чувствами. Развитие нравственности отражает и соответствующий уровень социальной интеграции, взаимоотношения целого и его частей, общества и личности.

Воспользуемся таким образом. Через исторические эпохи с их «горами» и «долинами» пробивали себе путь две большие реки. Одна река — это «Я», то, что стремится человек взять себе. Другая река — это «Мы», то, чем человек делится с другими, его заботы и дела, посвященные обществу. Иногда то одна, то другая из рек задерживала свое течение и разливалась широким плесом. В других местах они

разбивались на многочисленные рукава и протоки. Ближе к устью у рек образуются дельты, но до самого моря они остаются все же двумя разными реками. И лишь достигнув моря, они смешивают свои воды. Это море есть гармония, единство интересов личности и общества.

От этих рек иногда отходят в сторону отдельные русла. Одни из них теряются в песках и пересыхают, другие превращаются в болота. Так и в наши дни индивидуализм, сыгравший в свое время, в эпоху становления буржуазного общества, определенную роль в борьбе за права и свободу личности, выродился в убогий потребительский эгоизм.

Ему противостоит коллективизм, выражающийся в интернационализме, в отношениях товарищества и братства. Но и к нему могут примешиваться ручки псевдоколлективизма, групповщины, потоки, питающие ригоризм и конформизм¹, которые лишают личность признаков индивидуальности, приносят ее в жертву безликому целому.

Разобраться в истории нравственных представлений, этических учений очень трудно. Можно рассматривать эпоху за эпохой, продвигаясь по многовековым дорогам истории. Но в результате получится многотомный труд, а не краткий очерк. Лучше выбрать несколько этических течений и исследовать их. Но это также может увести нас в сторону от выбранной темы. Мы будем поэтому рассматривать важнейшие этические течения только в связи с проблемой цели и смысла человеческой жизни.

Тысячелетия идет непрестанное и напряженное осмысление вопроса: для чего живет человек? Поко-

---

¹ *Ригоризм* — слепое, беспрекословное исполнение моральных предписаний; *конформизм* — склонность к соглашательству, подражанию, подчинению.

ление за поколением ставило и решало его вновь и вновь. Мы продвинулись дальше наших предшественников на пути к истине, а нашим потомкам предстоит еще шире охватить картину человеческого бытия, чтобы понять человека и мир как единое гармоническое целое. Однако нам могут сослужить хорошую службу представления и взгляды на цель и смысл жизни, выработанные в прошлом, нам и сегодня важно знать ошибки предшественников, чтобы избежать их повторения. Нам дорога история человеческих дел и свершений, но не менее дорога и история человеческих дум, сомнений, находок и разочарований.

Древнейшие цивилизации возникли и развились в странах Востока. Огромные державы в Сирии и Персии, Индии и Китае, постоянно раздираемые войнами и заговорами, потрясаемые восстаниями, держались силами деспотического режима и процветали за счет жесточайшей эксплуатации масс. Господствующая мораль внушала народу мысль о неизменности существующего миропорядка, освященного богами.

Даже при наличии письменных свидетельств воспроизвести духовную жизнь того или иного древнего народа достаточно трудно. Эти свидетельства часто фрагментарны, сильно искажены последующими наслоениями, литературными традициями и требованиями последующих эпох. Однако шумерская поэма о Гильгамеше, многочисленные «песни» и «разговоры», созданные в Древнем Египте, древнеиндийские «Веды» с их многочисленными комментариями, древнегреческие «Илиада» и «Одиссея», различные священные сказания и мифы — все это позволяет составить определенное представление о духовном мире людей периода разложения родовых

отношений и формирования рабовладельческого строя.

Мифологический способ мышления наследуется от родового общества. Мифические существа направляли человеческие деяния, да и цели этих деяний выступали в образах мифических существ. В древних индийских преданиях изображается божественный творец Праджapati, который творит «миры» и определяет смысл всего сотворенного, включая место человека в мире. Мир вместе с человеком находится в вечном круговороте: все существующее вышло из брахмана и стремится возвратиться в его лоно, слиться с ним. Жизнь людей, их помыслы определяются непреложным законопорядком (кармой), смысл жизни отдельного человека — в единении с брахманом, мистическим духом божества, в результате чего достигается особое состояние полнейшей безмятежности — нирвана. Достижение такого состояния и рассматривается в качестве цели человеческой жизни и ее высшего смысла.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, согласно существовавшим в Древней Индии религиозным представлениям, человек мог достигнуть конечной цели своего земного существования, только занимая «свое» место в общественной иерархии, предписанное ему от рождения. Это — консервативное требование, охранительное, отвечающее интересам господствующего класса. Усилия человека направляются на то, чтобы отрешиться от действительности и подчиниться безликому началу, а по существу, строжайшей иерархии деспотического государства.

Проблема цели и целесообразности занимала большое место в философских учениях древнего Китая. Но и здесь та же картина. Человек должен

занимать и сохранять то место, которое ему предназначается (конфуцианство). В таком предписании нельзя не видеть отражения жесткой социальной иерархии китайского общества, бюрократизма и кастовых порядков, консервативности всего уклада жизни. Положение человека, его выбор предопределяются или законом «дао» (в философии даосизма) или последовательностью событий «фа» в других философских доктринах.

Близкие к этим идеи можно найти и в философских и этических учениях античной Греции. То же стремление связать человеческие дела с мировым, космическим порядком, с божественным промыслом. Например, согласно пифагорейцам, всем правит некоторый мировой порядок — предел, которому противостоит опасная и вредная сила — беспредельное, хаос. Они верили в мистику чисел, выработали определенные ритуалы и правила поведения. Конечно, в их учении содержалось и немало рационального. Скажем, учение о гармонии, которое нашло свое продолжение во взглядах многих других мыслителей. Были полезны и некоторые правила жизни, которыми руководствовались члены пифагорейского союза, например вспоминать вечером все, что сделано и сказано за день. Однако этике пифагорейцев не хватало раскрепощенности перед богами и силами провидения. Такие мотивы появились в этических учениях вместе с дальнейшим подъемом общественного и личного самосознания в древнегреческих полисах.

Обычно мы клеймим себялюбие. На то есть веские основания. Дурно, если любовь к себе побуждает ко всем другим относиться лишь как к средству для достижения своих интересов. Как-то в студенческом общежитии шел спор. И один студент упорно доказывал, что тот, кто не любит себя, вообще не способен

«квалифицированно» любить других. Он рассуждал так: себялюбие помогает мне отличать приятное от неприятного, а не зная этого, я не смогу и другому сделать добро. В определенном отношении он был прав. Конечно, человек стремится к радости, хочет удовлетворить свои личные потребности, достигнуть личного счастья. Однако самое главное и важное заключается в том, что его радует, в чем находит он счастье. Себялюбие, как и всякое этическое понятие, — понятие конкретно-историческое.

Должен ли человек отказываться от наслаждений и счастья? Очевидно, могут быть такие обстоятельства, когда человек вынужден стать аскетом, но обычное, нормальное состояние человека — это стремление к счастью, радости, удовольствию. Илья Эренбург назвал как-то замечательного чилийского поэта Пабло Неруду великим эпикурейцем за то, что тот наслаждается как поэзией, так и гусиной печенкой.

Культ наслаждений и счастья был в свое время протеевским бунтом против всемогущества богов и обожествленных обычаев. Борьба против религии и религиозной морали должна была приобретать на первых этапах довольно грубые черты, но без этого человек не мог оторваться «от пуповины первобытной общности»¹.

Против родовой нравственности, требовавшей строжайшего подчинения человека общине, ее обычаям, могли выступить лишь те лица, которые объективно выделялись из общей, скованной традициями массы. Это были представители родовой знати, те, кто в условиях разложения первобытного строя становились земными владыками, царями. Они-то и становятся в первую очередь поклонниками культа

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф Соч., т. 21, с. 99.

наслаждений. Характерно в этом смысле одно место из древнего шумерского эпоса о Гильгамеше.

Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!

Откровенный и наивный гимн наслаждениям. Учение в этике, считающее наслаждение высшим благом, а стремление к наслаждению — принципом поведения, известно под названием *гедонизма* (в Древней Греции к ее последователям относят Эпикура, основателя школы киренаиков Аристиппа). Связанное с ним, но в известном смысле и противостоящее ему учение получило название *эвдемонизма*. (Антисфен, основатель школы киников, отчасти Аристотель). В нем смысл жизни выражается понятием счастья, которое достигается не посредством чувственных наслаждений, а, напротив, в результате преодоления стремления к ним.

Многочисленные этические течения, существовавшие в Древней Греции и часто враждовавшие между собой, во взглядах на цель и смысл жизни человека проявляли в общем поразительную близость точек зрения. Это, как правило, безмятежное состояние, простые и здоровые радости жизни под контролем разума, состояние, которое называли «атараксией». Против этого в древнегреческой философии прямо мало кто выступал. Споры шли скорее о путях достижения данного состояния и о его существовании. Спорили о том, что приятнее: сразу осушить чашу жизни или тянуть по глоточку, продлевая удовольствие.

Вспоминали о том, что радости чреватые огорчениями, и спорили, как легче переносить неизбежное зло.

Самой совершенной формой античного гедонизма было этическое учение Эпикура (341—270 до н. э.). Двести лет прошло со времен Гераклита, учившего поступать согласно с природой, более ста лет со времен Демокрита, который считал критерием удовольствия пользу, а целью жизни — безмятежность. Сохранялось сильное влияние этического наследия Сократа и Платона, популярно было учение Аристотеля: «Разумное наслаждение — наслаждение разумом». Потребовалось немало сил и мужества, чтобы восстановить моральный авторитет человеческих чувств и наслаждений, телесных удовольствий, которые начали было вытесняться понятием «блаженство», в котором даже земные радости стали приобретать черты чего-то небесного. На Эпикура клеветали, изображали проповедником чревоугодия и разврата. Но это было извращением его учения.

В одном из немногочисленных подлинных произведений Эпикура, дошедших до нас, в письме к Менекею он поясняет: «Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые... но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные... не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляет роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение».

Философ-материалист, последователь атомистического учения Демокрита, он и учение об атомах

использует в этических целях. Он вводит понятие свободного движения атомов, чтобы ввести свободу и в этику, без которой нет возможности выбора, нет ответственности и способности ставить цели.

Этическое учение Эпикура развивалось в полемике со *стоицизмом*, представители которого понимали человеческую свободу как освобождение от страстей. Однажды студенты, члены философского кружка одного из институтов Тулы, использовав литературное наследие французского философа-материалиста XVII века П. Гассенди, пропагандировавшего атомистические воззрения и этику Эпикура, а также некоторые другие источники, заставили поспорить Эпикура и стоика Зенона из Китиона. В этом вымышленном диалоге сначала дали слово Зенону.

Зенон. Цель жизни — счастье, а счастье есть свобода, свобода от радости, от горя, свобода от всех страстей. Таковую свободу дает человеку величайшая сила воли. Счастье — найти в себе силу освободиться от всего, расставание с чем может доставить нам боль. Оставайся лишь самим собой и наслаждайся тем, что ты — это ты. Наслаждайся своей мыслью — это то, чего у тебя никто не может отнять. Не сожалей об упущенном удовольствии, не сожалей об упущенном деле. Настоящее несчастье — раскаяние. Его причина — противоречие с самим собой, потеря самого себя. Все остальное — лишь неприятности и невзгоды. Тот, кто свободен от земных страстей, от телесных удовольствий, может быть счастлив и в беде.

Эпикур. Ты прав, когда говоришь, что счастье — свобода. Но эта свобода не есть освобождение от страстей, а свобода наслаждений и страстей. Удовольствие есть первое и прирожденное нам благо. Но пусть твой разум отделит хорошие страсти от дурных. Умей отсеять хорошие семена от плохих.

Зенон. У тебя ум — средство. Он тебе нужен как судья для твоих страстей. У меня ум — цель. Я заставляю молчать свои страсти и наслаждаюсь умом.

Эпикур. Наслаждаясь разумно, ты наслаждаешься и разумом. Наслаждаясь одним разумом, ты не наслаждаешься ничем. Наши страсти поработаны и подавлены мыслью о смерти. Ты хочешь отказаться от радостей жизни, чтобы спокойно встретить смерть. Я хочу отказаться от смерти, чтобы спокойно и радостно жить. Я говорю, что смерть к нам не имеет касательства. Пока мы существуем — ее нет, а когда наступает смерть — тогда нет нас. Удовольствие — это цель жизни, величайшее и высшее из благ, которому подчинены все остальные. Само же оно ничему другому не подчинено. Счастье или цель блаженной жизни есть не что иное, как телесное здоровье и невозмутимость духа.

Примерно так мог говорить Эпикур, случись ему, будучи в Афинах, встретиться там с кем-либо из стоиков и затеять с ним спор. Идеиная борьба этики стоицизма и эпикурейской этики продолжалась долго, захватив и средние века. Наследником Эпикура в Древнем Риме стал поэт и философ-материалист Тит Лукреций Кар (ок. 99/95—55 до н. э.), автор поэмы «О природе вещей», опубликованной после его смерти. Именно из его философской поэмы мы черпаем важнейшие сведения о мыслях и рассуждениях Эпикура. В новое время линию Демокрита и Эпикура продолжил, как уже упоминалось, П. Гассенди, прежде всего в книге «Свод философии Эпикура». От П. Гассенди эстафета переходит к французским философам-материалистам XVIII века, к великим социалистам-утопистам, к немецкому философу-материалисту XIX века Л. Фейербаху. Оптимистический дух античного гедонизма не чужд и нам. Мы

вовсе не сторонники аскетизма и от радостей жизни не отказываемся. Но нас не все устраивает в этом этическом наследии. В нем недостает социального, общественного начала. Радости и удовольствия, прославляемые в нем, — преимущественно индивидуального характера. Даже дружба, которую высоко ценит Эпикур, представлена как приятное времяпрепровождение в застольных беседах мудрецов, как пиршество ума и острословия.

Дружба, по Эпикуру, — и покровительница удовольствий, и сама источник величайших наслаждений. Прежде чем подумать о том, что пить и есть, необходимо решить, с кем ты будешь пить и есть, учил философ. Дружбе ради какой-то пользы или выгоды он противопоставляет любовь друзей друг к другу в силу самой дружбы. У Эпикура и его последователей немало хороших высказываний о дружбе, о том, что друга нужно любить не меньше, чем самого себя. Но эти высказывания уживаются со взглядом на дружбу как на хорошую приправу к трапезе. Ведь гедонизм был преимущественно жизненной концепцией господствующих, обеспеченных классов и выражал момент довольства и благополучия.

Хочется также подчеркнуть, что учение Эпикура ничего общего не имеет с аморализмом, распространенным в современном буржуазном обществе. Античный гедонизм решительно отвергал излишества, роскошь, распущенность. На Эпикура кивают те, кто желает прикрыть авторитетом свою безнравственность. «Ничего сверх меры!» — вот девиз древних греков.

Однако необходимо сказать несколько слов и о стоицизме. Он представляется антиподом гедонизму. Однако он не культивирует страдания, это не культ

самоистязания. Основная цель стоика — обрести душевное спокойствие, которое тоже есть заменитель радости, а главное — обрести силы для борьбы с жизненными трудностями. В нем отразились признаки кризиса эпохи, но в нем есть и некоторые продуктивные этические моменты.

Стоицизм порой приходит к нам на помощь в труднейшие минуты нашей жизни. Достаточно сравнить одно высказывание римского императора Марка Аврелия (121—180), представителя позднего античного стоицизма, с известным местом из письма замечательного чехословацкого писателя-коммуниста Юлиуса Фучика, написанного в фашистском тюремном застенке.

Марк Аврелий: «Итак, проведи этот момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая олива...»

Юлиус Фучик: «Остается несколько недель, иногда это затягивается на несколько месяцев. Надежды опадают тихо и мягко, как увядшие листья... Но дереву не больно. Все это так естественно и понятно. Зима готовит для себя человека так же, как и дерево. Верьте мне: то, что произошло, ничуть, решительно нисколько не лишило радости, которая живет во мне и повседневно откликается какой-нибудь мелодией из Бетховена. Человек не становится меньше от того, что ему отрубают голову. И я горячо желаю, когда будет все кончено, чтобы вы вспомнили меня не с грустью, а с такой радостью, с какой я всегда жил...»

Сходство несомненное, но и какое различие! Стоическая твердость обогащена прекрасным оптимизмом и чуткой заботой о людях, близких и далеких.

Жизненным наслаждениям предается отдельная личность. Ограничение индивидуализма и эгоизма,

присущих этике гедонизма, шло от общественного, гражданского начала, связанного с понятием должного. Долг — представитель общественного в сознании гражданина, разум — проводник на пути к правде и добру.

Этика нравственного долженствования на первое место выдвигает духовную жизнь с ее моральными законами и требованиями, которые выполняются то как обычаи и правила, то как предписания божества или нравственного закона. В ряде случаев она превращалась в так называемый *ригоризм*, требовавший строжайшего и скрупулезного выполнения нравственных предписаний.

Мысли о необходимости глубокой преданности долгу встречаются в очень древних источниках. Так, в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», созданном в первой половине I тысячелетия до н. э., есть поучение:

Итак, делай то, что ты делать обязан.

Блажен, кто, творя, ни к чему не привязан.

В этике нравственного долженствования исходным основанием служит предписание, обращенное к человеку, но не от него самого, а от чего-то стоящего над ним. Это могут быть божественные заповеди, требования общественного долга, нравственные законы, идеалы и т. д. За такими предписаниями могут порой скрываться узкие, корыстные интересы некоторых социальных групп, классов. Но могут стоять и действительно великие исторические требования революционного и патриотического долга, обязанности перед обществом, перед человечеством. Без категории должного, без понятия добра и зла, чести и совести мораль не могла бы выполнять свои социальные функции.

Мы уже отмечали, что в странах Древнего Востока были распространены этические учения о предопределенности человеческой жизни, о некотором мировом порядке, которому человек должен следовать в своей жизни. Такие взгляды на человеческую судьбу возникали как отражение хозяйственной жизни и всего общественного порядка огромных деспотических держав.

В античной Греции этика строгих требований нашла свое выражение, как уже отмечалось, в некоторых предписаниях членов пифагорийского союза. Многие древнегреческие философы связывали жизненные предписания с общим космическим порядком, который устанавливается богами. Эти взгляды переплетались с мифологическими, космогоническими, натурфилософскими представлениями.

Этическая проблематика, как специфическая область знания, с наибольшей определенностью выступила в учении Сократа (470/469—399 до н. э.), о чем можно судить на основе дошедших до нас свидетельств его учеников и последователей. У Сократа два понятия выступают на первый план — добро и разум. Смысл человеческой жизни — добро, а путь к нему указывает разум. Кто поступает дурно, тот поступает неразумно, а знающий доброе обязательно и поступает по-доброму. Для Сократа, в противоположность, например, гедонистам, добро как этическая цель выше человека. Человек служит добру. Добро имеет абсолютную ценность. Таким образом, Сократ высказал мысль, что смысл жизни человека не сводится к удовлетворению его непосредственных потребностей. Это ценный шаг в развитии этической теории. Разве сейчас не возмущают нас люди, которые не преследуют никаких возвышенных целей, которые с откровенным или скрытым цинизмом при-

нимают позицию потребителей различных благ? Конечно, важно еще, что считать возвышенной целью.

Этические взгляды Сократа продолжили и развили древнегреческие философы Платон (428/427—348/347 до н. э.) и Аристотель (384—322 до н. э.). В их учениях цель человеческой жизни как бы отделяется от человека, противостоит ему как нечто самостоятельное и подчиняющее себе его. На первый взгляд кажется странным, что они, идеологи правящих кругов рабовладельческого общества, отстаивали общее против частного, общественное против личного. Но, по существу, за общечеловеческое они выдавали нравственность своего класса, что, впрочем, не исключает ценности некоторых этических принципов, содержащихся в их учениях.

В разных исторических условиях близкие этические точки зрения играют порой противоположные роли. Идея подчинения человека общим нравственным требованиям имела и положительное и отрицательное применение. Временами она выдвигалась против революционной морали. Но она противопоставлялась и анархистскому бунтарству, моральному нигилизму и снобизму. Идея нравственной ценности человека как личности может иметь прогрессивное гуманистическое значение, быть направленной против гнета и произвола господствующего класса, но она может быть обращена и против революционной дисциплины, против общественного порядка, организованности. Все дело в том, каков этот порядок, эта дисциплина и кому они служат.

Ученик Сократа Платон все высшие ценности относил к миру идей. Высший смысл духовной жизни человека, согласно его учению,— созерцание бессмертной истины. Достигается оно посредством осо-

бого состояния — энтузиазма. Созерцание бессмертной истины приближает человека к бессмертию в его земной жизни, дает ему божественный покой и неомрачимую радость. Смысл же жизни телесной, по Платону, в подчинении порядку. Средство его достижения — усмирение страстей. Данное положение роднит Платона с более поздними христианскими нравоучениями, но вместе с тем ему чужд аскетизм христианства. Ведь ему принадлежат слова: «Надо жить, играя». Платон многогранен и противоречив. Его учение о добродетели было продолжено Аристотелем. Смысл жизни, считал Аристотель, — блаженство. В этом отношении он разделяет традиционные представления античных философов. Блаженство обретается посредством достижения предмета желания, который сам по себе является конечной целью, самоцелью. А таким предметом, который ничему не служит в качестве средства, по убеждению Аристотеля, является только добродетель.

Добродетель проистекает из разумного усмотрения, а не из страсти, ибо в таком случае она была бы несвободной. Добродетель, ведущая к блаженству, достигается познанием и размышлением. Но абсолютно разумной может быть лишь деятельность разума, а это, в свою очередь, есть наука, имеющая своей целью мышление как таковое. За аристотелевскими рассуждениями вырисовывается образ традиционного мудреца, подчиняющегося разуму, или, иными словами, считающего разумным подчиняться установленному порядку.

Аристотель, вероятно, одним из первых начал рассматривать цель как всеобщую причину. Он различал причины разного рода, но последней и вместе с тем главной причиной у него выступает цель — то, ради чего все происходит. Подобно тому, как человек

в своей деятельности сознательно ставит перед собой те или иные цели, так и в явлениях природы, в ее изменениях Аристотель усматривал «деятельность», тоже подчиненную целевому началу. Возникло учение, известное под названием *телеологии* (от греческого *télos* — цель; *logos* — учение).

Категорию цели Аристотель рассматривал с разных сторон: с этической, познавательной и как категорию самой действительности. Он признавал существование материи, критиковал Платона, у которого «идеи» как сущности вещей отделены от последних, но в то же время сам отрывал цели от закономерностей материального мира. Цель у Аристотеля представляется одной из причин, направляющих развитие природы, как «конечная причина» (*causa finalis*), а не как результат отражения объективных закономерностей в сознании человека, знание которых он использует в своей практической деятельности. В этом случае, как и в ряде других, проявляется та путаница в толковании соотношения объективного и субъективного, которую В. И. Ленин отмечал у Аристотеля в своих «Философских тетрадах»¹.

Таково в самой общей и чрезвычайно краткой форме развитие того направления в античной этике, начало которому положил Сократ. Некоторые из этических положений указанных мыслителей были унаследованы позднее христианской моралью. Сюда относится идея освобождения души человека от тела и его аффектов, самоторжество духа, жажда искупления греха, упование на божью милость. При этом общий жизнеутверждающий, земной дух античной морали стал постепенно претерпевать все более глубокие изменения. Идея земного блаженства, спокой-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 327

ствия, безмятежности духа вытесняется иллюзорными идеями неземного вечного блаженства, спасения души. Смирение духа превратилось в дух смирения. Но на это были свои причины, которые образно выразил французский историк Шарль Эншлен: «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак».

Эпоха феодализма в духовной жизни общества отмечена преобладанием религиозной идеологии, всемогуществом церкви и других религиозных организаций. В странах Европы господствующей идеологией стало христианство. «В руках попов,— писал Ф. Энгельс,— политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона... А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹.

В христианстве идея посмертного спасения души приобретает значение цели жизни. Молитва, смирение плоти, пост, воздержание и терпение становятся, в представлении верующих, главным средством достижения царства небесного и вечного блаженства в нем. Так, один из «отцов церкви» Аврелий Августин (Блаженный) (354—430) учил, что реальная жизнь временна и есть лишь подготовка к вечной загробной жизни. Он наставлял верующих: «...как

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360—361.

скоро ты станешь таким, что ничто земное не будет доставлять тебе решительно никакого удовольствия, поверь мне, в ту же самую минуту, в тот же самый момент ты увидишь что желаешь». А предметом желания для верующего является общение с богом.

Цель человеческой жизни — спасение и обретение рая. В христианском богословии райское блаженство не просто заслуживается человеком посредством праведной жизни. Праведная жизнь не гарантирует рая, его дарует бог. По учению Августина, благодать ниспосылается свыше, по сути дела, не мотивированная нравственными усилиями человека.

Религиозная целеустремленность в значительной мере поддерживалась страхом перед муками ада, поскольку райские соблазны сами по себе не отличались большой привлекательностью. Если в земной жизни считались греховными радости любви и другие удовольствия, то в раю для них тем более не оставалось места. Праведникам оставалось лишь петь псалмы, восхваляя имя господне, и прогуливаться в райских садах. «Там,— писал французский философ-материалист XVIII века П. Гольбах,— избранные будут иметь наслаждение вечно петь в унисон: «Да славится имя твое». Многие не очень-то стремятся попасть на этот концерт, боясь скуки и плохого общества...»

Религиозным верующим вообще и христианам в частности отказать в целеустремленности нельзя. Но как сама религия есть искаженное отражение мира, так и религиозная целеустремленность есть искаженное стремление. Ее пронизывает дух нетерпимости, фанатизма, мученичества. Во имя веры порой совершаются страшные жестокости и жуткое самоистязание. Мы имеем в виду, например, массовые самосожжения религиозных фанатиков. Чтобы представить

это реальнее, напомним о случае, который недавно потряс весь мир. 18 ноября 1978 года в джунглях Гайаны совершили самоубийство 900 членов религиозной секты «Пиплз темпл».

Фанатизм страшен и отвратителен, особенно в своих крайних проявлениях. Но сила в нем заключена большая, и она свидетельствует о способности человека к исключительной мобилизации своих духовных и физических сил под влиянием убеждений. Религия направляет эти силы не на активные действия, а в большинстве случаев на терпение и ожидание. Но освобожденные от религиозной оболочки, поставленные на службу действительно правого дела, они представляют собой немалые резервы человеческих духовных возможностей.

В средние века учение о цели человеческого существования получило и соответствующую философскую разработку. Основой ее послужила аристотелевская телеология, но использованная в препарированном, схоластическом виде. У Аристотеля цель рассматривалась в ряду других причин. Схоласты поставили под сомнение объективную причинность, противопоставив ей учение о чуде. Божественная целесообразность и целенаправленность стоит выше всякой причинности. Бог может ставить цели, не считаясь с причинной обусловленностью. Он может творить чудеса. Августин утверждал, что бог сотворил мир из ничего («До творения твоего ничего не было, кроме тебя...»), по свободной воле, а не по необходимости. Он свободен от нее. Цель — это промысел господина бога. Бог не только сотворил мир, но и вечно пребывает во всех вещах, являясь их скрытой сущностью и целью.

Весь мир идет к намеченной цели. «Весь человеческий род,— учил Августин,— жизнь которого от

Адама до конца настоящего века есть как бы жизнь одного человека, управляется по законам божественного промысла...» Венец человеческой истории — конец мира и страшный суд! Праведников и грешников ждет разная судьба. «Народ благочестивый,— это слова того же Августина,— восстанет для того, чтобы остатки своего ветхого человека переменить на нового; народ же нечестивый, живший от начала до конца ветхим человеком, восстанет для того, чтобы подвергнуться вторичной смерти».

Телеологическую концепцию развивал затем Фома Аквинский (1225/26—1274), один из крупнейших богословов средневековья, основатель философии томизма. Бог, согласно его учению,— кормчий, ведущий мир к «лучшему исходу». «Мы убеждаемся,— пишет схоласт,— что предметы, лишённые разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей... Их направляет некто одарённый разумом и пониманием, как стрелок направляет стрелу. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем богом».

Телеологический способ мышления получил большое распространение, с его помощью пытались объяснить и природные и исторические явления. Пожалуй, наиболее одиозный характер телеология приобрела в учении немецкого философа-идеалиста Христиана Вольфа (1679—1754), по мнению которого все в мире служит какой-то цели. Его высмеял Ф. Энгельс в «Диалектике природы», назвав его телеологию «плоской», согласно которой получалось, что кошки

были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца¹.

Телеология искажает действительное соотношение вещей, отношение человека к миру и приписывает природе человеческую способность ставить цели, видеть в них божественный замысел. Она играет консервативную и реакционную роль, поскольку сковывает инициативу людей, относя способность ставить цели исключительно к божественному суверенитету.

Период средневековья был периодом очень большого интереса к категории «цель». Если отвлечься от богословской и схоластической формы, в которой велись тогда все исследования, то можно признать, что эта категория приобрела подчеркнуто нравственный (конечно, религиозно-нравственный) характер. Такое обостренное внимание к нравственной стороне вопроса о цели и смысле жизни не могло не оставить следа в последующей истории этических учений и в самой нравственной жизни людей. Священная цель — понятие, которое может иметь не только религиозный смысл.

Есть в истории человечества эпоха, напоминающая раннее предвестие весны. Еще стоят морозы, лютуют вьюги, но солнце поднимается все выше, наперекор зиме звенит веселая капель. Еще сковывала умы религиозная догматика, сила церкви была велика, святая инквизиция вселяла страх и ужас в сердца людей. Но уже чувствовались новые веяния. Постепенно приходили в движение наука, искусство, философия, выступающие против религиозной догматики, схоластики и телеологии. Решительно и сме-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф Соч., т. 20, с. 350.

ло нарождавшийся буржуазный мир заявлял о своих правах на жизнь, радость, как, впрочем, и на наживу.

Такой период истории ряда стран Европы на протяжении XIV—XVI веков известен под названием эпохи Возрождения. Она стала поворотным пунктом от религиозного аскетизма и ригоризма (слепого послушания) к гуманизму и гедонизму. Во взглядах идеологов нарождавшейся буржуазии человек обрел моральное право на наслаждения, любовь и радость. Раздавались суждения, совершенно невозможные с позиций строгой христианской морали.

Лоренцо Валла (1405/07—1457), итальянский философ-гуманист, в трактате «О наслаждении как истинном благе» писал: «Итак, наслаждение — это благо, к которому повсюду стремятся и которое заключается в удовольствии души и тела, что греки называли «гедонэ». Он доказывал, что в наслаждении нет ничего безнравственного. Наслаждение, как он выразился, не блудница среди матрон, а госпожа среди служанок. Смысл жизни нужно искать не в монашеских кельях, а в самой жизни.

О французском философе-материалисте Пьере Гассенди уже была речь как о продолжателе и пропагандисте учения Эпикура, как об убежденном стороннике гедонизма. Другим защитником этики наслаждений во Франции выступил глубокий и яркий мыслитель Мишель Монтень (1533—1592). «Что бы ни говорили, но даже в самой добродетели конечная цель — наслаждение», — убежденно заявлял он.

Если у итальянских и французских гуманистов на первый план выдвигается наслаждение, то у английских — выгода, практическая полезность. Цель прямо или косвенно отождествляется с полезностью. Это хорошо видно на примере этического учения Фрэнсиса Бэкона (1561—1626), родоначальника англ-

лийского материализма, мыслителя, поставившего перед собой задачу раздвинуть границы человеческого могущества.

Этика Ф. Бэкона — этика деятельности, а не созерцания, что характерно для идеолога наиболее активной части английского общества тех лет. «...В этом театре, которым является человеческая жизнь, только богу и ангелам подобает быть зрителями», — утверждал философ. Человек же предназначен для деятельности. И английский мыслитель призывал «быть архитектором в философии и других науках... простым рабочим, грузчиком и вообще чем угодно». Бэкон не стремился к абстрактным определениям смысла жизни. Практическая жизненная цель — следовать идеалу, образцу. Его занимали вопросы формирования желательных добродетелей, проблемы воспитания. Как человек практического направления, он обращал большое внимание на средства, без которых все цели повисают в воздухе. Он писал: «...авторы трактатов по этике показали нам прекрасные и величественные образцы блага, добродетели, долга, счастья и дали тщательные описания или изображения этих вещей, являющихся истинными объектами и целями человеческой воли и стремления. Но о том, каким образом можно лучше всего достичь этих замечательных самих по себе и прекрасно поставленных философами целей... они или вообще ничего не говорят, или говорят весьма поверхностно, и такие рассуждения приносят мало пользы». Бэкон решительно выступил против телеологии в общефилософском плане. Он считал, что рассуждения о целях как о некоторых конечных причинах даже портят науку.

Борьбу с телеологической идеологией продолжил Томас Гоббс (1588—1679), последователь и системати-

затор учения Ф. Бэкона. Гоббс изгнал понятие цели из своей механистической, метафизической картины мира. Развитие механики и особенно влияния учения французского философа Рене Декарта (1596—1650) побудило его сосредоточить внимание на понятии причины, а причинность у него исключает активность. «О *целевой причине*,— пишет Гоббс,— речь может идти только тогда, когда имеют в виду те вещи, которые обладают чувствами и волей. Однако и у них, как мы покажем позже, конечная причина есть не что иное, как действующая причина».

По Гоббсу, человек не больше причина активности, чем камень — причина твердости. Увлеченный борьбой с телеологией, Гоббс доходил до полного отрицания воли. Это логический результат механистического понимания причинности.

Существования человеческой целеустремленности Гоббс не отрицает, считая ее порождением человеческой природы. По его мнению, она поддерживается жадностью, страхом, гневом и другими животными страстями. Эгоизм, жажда славы — движущие пружины человеческой деятельности. Очень характерны в этом отношении следующие слова Гоббса: «Человеческую жизнь можно сравнить с состязанием в беге... Надо только представить себе, что единственная цель и единственная награда каждого из участников этого состязания — оказаться впереди своих конкурентов».

Таким образом, борьба с религиозной телеологией побуждала некоторых мыслителей к полному отрицанию понятия «цель». Все происходит не для чего-то, не ради какой-то цели, а почему-то, в силу какой-то причины. Это положение с особой отчетливостью было сформулировано нидерландским философом-материалистом Бенедиктом Спинозой (1632—1677).

Он отрицал существование божественного целопологающего начала. Природа есть своя собственная причина. И человек в этом смысле всего лишь природное явление, часть общего естественного порядка. Человек относится к природе как следствие к причине, а не как цель к средству или средство к цели.

Стремление объяснить природу из самой же природы имело и имеет непреходящее значение для философии и для естественных наук, что Ф. Энгельс отметил как величайшую заслугу философского материализма в лице Б. Спинозы¹.

Спиноза — рационалист, для него разум, мышление — главные человеческие ценности, а смысл жизни — понимание. Понимать — вот призвание человека, вытекающее из его сущности как существа мыслящего. В этом смысл его жизни и назначение, все остальное — или средства, или условия. Широко известен его афоризм: «...не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать». По мнению Спинозы, человеческие страсти: радость и горе, любовь и ненависть — должны строго подчиняться рассудку: «...аффект тем больше находится в нашей власти, и душа тем меньше от него страдает, чем большим мы обладаем его познанием». Познание делает человека свободным от аффектов. Однако Спиноза не квиетист, то есть не сторонник пассивности и созерцательности. Сфера его активности — «врачевание и очищение разума». В личной жизни он тоже умел бороться, проявляя при этом незаурядную смелость и мужество.

Борьба против феодализма требовала раскрепощения духа. Огромная заслуга принадлежит здесь французским мыслителям XVIII века. О XVIII веке

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 350.

говорят, что это самый просвещенный философский век в истории европейских стран. Это справедливо, особенно в отношении Франции. В XVIII веке Франция добилась значительных успехов в экономическом и политическом развитии. Страна шла навстречу буржуазной революции.

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции,— писал Ф. Энгельс,— сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»¹.

Человеческие страсти, которые в средние века рассматривались как причина несвободы, у французских просветителей получили право на существование. «Они отбросили средневековую абстракцию «греховного человека», провозгласили «действительного человека», имеющего полное право на земные радости и счастье»,— пишет советский философ И. С. Нарский.

Типично в этом отношении суждение французского материалиста К. Гельвеция (1715—1771): «Физическое удовольствие и страдание — таковы единственные истинные движущие силы при всяком правлении».

Всюду и во всем находя только себя (свои удовольствия и свои страдания), люди любят только самих себя, считал Гельвеций. Деньги, почести, слава, власть и прочее — только эквивалент удовольствий. Человек, не имеющий никаких страстей, был бы

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 189.

безразличен к найденному кладу. «Если человек любит прекрасных рабынь и красивые картины,— рассуждал он,— то, найдя сокровище, он приходит в восторг... Если бы он не любил прекрасных рабынь и прекрасные картины, он был бы равнодушен к находке этих сокровищ».

Положительное значение имела постановка Гельвецием вопроса о моральном значении общественного интереса. Смысл его рассуждений по этому поводу можно кратко выразить следующим образом. Если страсти и интересы людей являются движущей силой, то общественный интерес должен явиться наивысшим нравственным законом, в жертву которому в исключительных случаях могут приноситься и личные интересы людей. «Что дает тогда право нарушить их?» — спрашивает Гельвеций и отвечает: «Общий интерес, признающий только один нерушимый закон: *Salus populi suprema Lex esto* (Спасение народа — высший закон)».

Но что такое «общий интерес»? Что считать правильным его пониманием? Ведь оно зависит от социального положения людей. Нет надклассового «общего интереса». Есть интересы пролетариев, и есть интересы буржуа. Этого французские материалисты не учитывали.

Защита прав личности на счастье так или иначе подводила к мысли о его реальном обеспечении в земной жизни людей, и это сближает взгляды французских материалистов с коммунистическим этическим идеалом. Такую связь К. Маркс и Ф. Энгельс называют необходимой: «...направление французского материализма вливается непосредственно в социализм и коммунизм»¹.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145.

Идейное родство утопического социализма с французским материализмом XVIII века ярко прослеживается в учении французского социалиста-утописта Ш. Фурье (1772—1837), особенно в его социальной философии: то же раскрепощение страстей, свобода наслаждений, любви и счастья. При этом любовь выступает в роли силы социального сцепления. Фурье называл ее «притяжением страстей», которое связывает людей в гармонические объединения — фаланги, группы, серии. Стремление к единству, по его мнению, главная из страстей человека, их стержень, их «ствол». Гармония — цель и общества, и отдельного человека. Хотя учение Ш. Фурье отличается наивной идеализацией человеческой природы, непоследовательностью, смешением науки и фантастики, в нем, однако, были заложены такие зерна, которые дали жизнеспособные всходы. Это мысли о единстве и общности людей, о гармоническом развитии человеческой ассоциации и отдельной личности, а также многое другое. Ш. Фурье выступал, например, за «отождествление индивидуального интереса с интересом коллективным таким образом, чтоб индивид мог найти свою выгоду только в действиях, полезных всей массе».

Рассматривая развитие философской мысли, историю борьбы материализма и идеализма в ней, В. И. Ленин употребил понятие «кругов в философии». Новый «виток спирали» в истории разработки интересующей нас проблематики образует борьба немецкой классической философии против идеологии французского материализма, сенсуализма и гедонизма.

Немецкие идеалисты противопоставили культу личных наслаждений требования долга, кодексы обязанностей, принципов и моральных законов. Это

была «победоносная и содержательная реставрация»¹ метафизики XVII века.

Так, моральные цели у родоначальника немецкой классической философии И. Канта (1724—1804) формулируются как обязанность следовать нравственному закону — делать высшее возможное в мире благо. Он пишет: «...положение *делай высшее возможное в мире благо своей конечной целью* есть априорное синтетическое положение, которое вводится самим моральным законом и благодаря которому практический разум расширяется тем не менее за пределы этого закона». О понятии «конечная цель» Кант высказался в том смысле, что это такая цель, которая уже ни для чего не может служить средством. К ней можно стремиться, но практически она недостижима. Далее, что понимать под высшим благом? Ни жизненный опыт, ни рассудок, по Канту, не могут подсказать человеку, что ему делать для достижения нравственной цели: «...мы не можем сделать для себя обязательство (моральное принуждение) достаточно наглядным, не мысля при этом кого-то *другого* и его волю (устанавливающий всеобщие законы разум лишь выразитель ее), а именно бога». Итак «добрая воля», о которой Кант говорит как о движущей силе нашей моральной деятельности, оказывается божественной волей, а человеческие цели — целями всевышнего. Здесь сказалась связь этики Канта с протестантской теологией.

В своем моральном сознании и деятельности человек подчиняется требованиям нравственного закона, который Кант называет «категорическим императивом». Он не связан с опытом людей и проявляется как веление «добрóй воли». Человек должен делать

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 139.

добро, даже если он не испытывает при этом ни радости, ни удовлетворения.

Одним из важных моментов в этическом учении Канта является положение о человеке как цели. Добро, в понимании Канта, есть абсолютная цель. Делая добро, человек и сам становится добрым, приобщается к миру добра. Долг и цель каждого человека — стать человеком, стремиться к идеалу человеческой личности. Из своих рассуждений Кант делает вывод о необходимости высоко ценить и уважать человеческое в человеке: «Склонять колени или падать ниц даже с целью показать свое преклонение перед небесными силами противно человеческому достоинству...» Канту принадлежит большая заслуга в утверждении сознания человеческого достоинства.

Не человек служит каким-то целям, а все служит человеку. «Коленопреклонение и угодничество перед человеком недостойно человека во всех случаях», — писал Кант. С этим нельзя не согласиться. Ведь и К. Маркс считал, что для пролетариата чувство собственного достоинства дороже хлеба. Чтобы сбросить с себя цепи рабства, рабочий должен подняться и в собственном сознании, осознать себя в качестве человека и возвыситься как человек.

Конечно, кантовский гуманизм имел внеклассовый и неисторический характер, его человек — абстракция. И все же его человек — это человек моральный. А проблема морального человека и в наши дни и в нашем обществе остается крайне важной и актуальной. В наследии Канта много ценных идей, вошедших в сокровищницу философской мысли человечества. Он высоко ценил свободу и считал, что народу не нужно готовиться к ней, но что она сама воспитывает людей. Актуальны и проблемы мира, которым много внимания уделял Кант. Мир он по-

нимал широко — как мир между людьми и народами и как этический идеал.

Глубокую и содержательную критику кантовского этического наследия дал крупнейший немецкий философ-идеалист Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831). Он нащупал слабое место в рассуждениях Канта о всеобщем добре как конечной цели и показал, что эти рассуждения предполагают постулат о существовании бога, поскольку кантовский идеал не имеет в самом мире силы для своей реализации.

Хотя Гегель критиковал Канта за телеологизм, но и сам он не полностью освободился от телеологического наследия. И у него под видом идеи, мирового духа, логики сохраняется некоторая мировая цель. Эту черту гегелевского учения отметил Ф. Энгельс: «...даже применение гегелевской «внутренней цели», т. е. такой цели, которая не привносится в природу намеренно действующим сторонним элементом, например мудростью провидения, а заложена в необходимости самого предмета,— даже такое применение понятия цели постоянно приводит людей, не прошедших основательной философской школы, к бессмысленному подсовыванию природе сознательных и намеренных действий»¹.

Нравственные цели у Гегеля имеют прямое отношение к категории добра, которое он представляет как неотъемлемое свойство мирового духа, выступающее в сознании как моральный принцип. Гегель рассматривает добро как принцип, лежащий в основании нравственной цели. Это ее внутренняя сущность, ее смысл.

Гегелевское учение о цели многопланово и рассматривается в отношении к необходимости и ра-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 67.

зумности, к действительности и возможности и, что особенно важно, в связи с практической человеческой деятельностью, с чувствами и интересами.

Нравственная цель — добро. Категория же добра связана у Гегеля с категорией разумного, а последняя — с категориями необходимости и действительности. Разумность, в гегелевском представлении, — нечто большее, чем простое знание и понимание; разумность у него имеет объективную основу. Правда, поскольку Гегель был идеалистом, эта основа — требование мирового разума, абсолютного духа.

• С другой стороны, у Гегеля нравственная цель есть свобода. А свобода есть осознанная необходимость. Таким образом, цель возникает как сознание необходимости. Это очень важная и глубокая мысль. Разумность и необходимость смыкаются в цели и образуют разумную необходимость категории добра.

Страсти и эмоции, подвергшиеся «гонениям» в этических учениях многих философов прошлого (стоики, Спиноза, Кант), у Гегеля реабилитируются: «Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов... и лишь они играют главную роль».

Человеческие цели, нравственные стремления у Гегеля вновь обретают жизнь, облекаются в плоть человеческих страстей, спускаются с высот абстракции на землю. В конкретных этических вопросах Гегель очень интересен, пронизателен и ярок. Гегель как бы снял перегородку, отделяющую мир целей от мира средств. По Гегелю, «моя» цель, цель отдельного человека, есть, собственно, то дело, которое он способен осуществить с пользой для общества и с интересом для себя. Бесстрастные цели — это пустые мечтания. «Без страсти никогда не было и не может быть совер-

шено ничего великого. Только мертвая, а весьма часто лицемерная мораль выступает против формы страсти как таковой».

Очень интересно и глубоко решает Гегель вопрос о связи целеполагания с практической деятельностью человека.

У человека существует определенное отношение к окружающему миру как к предмету его деятельности. Это отношение получает идеальное выражение в тех целях, которые ставит перед собой человек, затем оно (это отношение) оживает в его деятельности и, наконец, «замирает» в предмете, созданном человеком. Из рассуждений Гегеля следует вывод, что предметные отношения определяют цели человека, что они имеют объективное основание, «внешнюю определяемость». Эти гегелевские мысли приближают его к историческому материализму, что подчеркнул В. И. Ленин в своих «Философских тетрадях».

Точка зрения Гегеля по вопросу о смысле жизни отдельного человека раскрывается в диалектическом сопоставлении единичного и общего, субъективного и объективного. По Гегелю, общее под видом «объективной или разумной воли» является сущностью отдельной человеческой субъективной воли, а с ней и цели. То и другое сливается в понятии нравственности. «Единство субъективности и объективного в себе и для себя сущего добра, — писал Гегель, — есть нравственность, и в ней примирение произошло согласно понятию».

Тонкий диалектик, Гегель и цель понимает как противоречие между единичным и общим, разрешающееся в пользу общего, но таким образом, что этот процесс постоянно возобновляется. Однако поскольку «действительный образ нравственности» на деле

представлял собой действительность прусской монархии, то и диалектическое единство единичного и общего превратилось, по сути дела, в требование добровольно и «свободно», с сознанием необходимости, как требование собственной воли выполнять предписания и требования властей.

Против гегелевской этики выступил его бывший ученик Людвиг Фейербах (1804—1872), порвавший с гегелевским идеализмом и ставший на позиции философского материализма. Борясь с застывшей философской системой Гегеля, он оказался в конфликте и с его диалектикой, что отразилось, в частности, и на нравственных представлениях Фейербаха. Он считал, что главным стремлением человека является «стремление к самосохранению, к самоутверждению, следовательно, стремление к инертности». Фейербах полагал, что таким образом он выступает против «телеологической фантастики», против абстрактно-возвышенных рассуждений о безграничном стремлении человеческой души к божественному совершенству. Но отсутствие диалектического подхода обеднило его этику. Фейербах свел моральные цели людей к личному счастью. Он восстановил в правах теорию гедонизма, выдвинув на первый план чрезвычайно расширительное понимание любви: «Любовь есть не что иное, как чувственная... идущая от самых глубин сердца, радикальная воля». Любить нужно прежде всего себя, а чувства при этом будут служить ориентиром. «Голос ощущений» — первый категорический императив. «Боль указывает человеку, чего он должен избегать, а удовольствие — чего он должен желать...» Фейербах повторил здесь тезис французского материалиста П. Гольбаха.

Итак, задача или цель человеческой деятельности, по мнению Фейербаха, в первую очередь состоит в

заботе о себе. Но он не признает возможности быть счастливым без других людей. «Первая твоя обязанность заключается в том, чтобы сделать счастливым самого себя. Если ты сам счастлив, то ты сделаешь счастливым и других. Счастливый может видеть только счастливых кругом себя». Счастье человека в его власти, полагал Фейербах, и поэтому просто безнравственно быть несчастным. Но в таком случае нужно объяснить, почему существуют на свете несчастные люди, несмотря на то, что они любят счастье и могут творить его по своему желанию. Этика Фейербаха, писал Ф. Энгельс, «скроена для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда»¹.

Особого назначения человек, по Фейербаху, не имеет. Его жизненной целью становится просто то дело, которое «человек в нормальном счастливом случае сам избрал для себя, исходя из своей природы, своих способностей и стремлений». Однако он не принимал во внимание, что эти «нормальные счастливые случаи» должны быть социально обеспечены.

Фейербах довольно пространно исследовал проблему бессмертия, видя его в бессмертии человеческих дел, в том, что человек оставляет после себя. И, пожалуй, это лучшие страницы его этического наследия. Как и некоторые из его положений о любви человека к человеку, они несут близкий нам этический смысл.

Особое чувство испытываешь, переходя к этическому наследию русских революционных демократов. Вещи в их сочинениях называются своими именами, не прячутся за абстрактными категориями, не облачаются в «одежку очень консервативную», как го-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 298.

ворил Н. Г. Чернышевский (1828—1889) о гегелевских принципах. Революционеры-демократы находились в центре политических событий своей эпохи, в постоянной и неустанной борьбе, и их язык — это язык самой жизни. Любые теоретические вопросы они рассматривали в свете конкретных практических, социальных задач, обнаруживая глубокое понимание человеческих проблем.

Цель жизни, по их убеждению, — борьба. А смысл борьбы — освобождение простого народа, «простолюдинов». Счастье — быть полезным родине. Их высказывания — это призывы, а многие работы — прокламации. От книг, написанных ими, веет духом классовой борьбы, в них нет ничего похожего на либеральные разглагольствования «добрых господ», на слащавое человеколюбие. «...Требуйте вместо любви к человечеству, — призывал А. И. Герцен (1812—1870), — *ненависти* ко всему, что валяется на дороге и мешает идти вперед».

Социальная целеустремленность обретает глубокий смысл, когда она одухотворена ясными перспективами. Источником, питающим силы борцов за счастье людей, является твердая и теоретически обоснованная вера в то, что их усилия не останутся тщетны, что они дадут плоды.

«... Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, — писал Н. Г. Чернышевский, — для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если только буду убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только в этом буду убежден».

Исключительной целеустремленностью отмечена

жизнь «неистового Виссариона» — В. Г. Белинского (1811—1848), которого А. И. Герцен назвал «самой революционной натурой николаевского времени». Путь идейного развития В. Г. Белинского сложен. Был в его жизни и период увлечения гегелевской философией, из которой он воспринял известный тезис: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Эту точку зрения он с присущей ему горячностью отстаивал в спорах с друзьями, о чем рассказал А. И. Герцен в своей книге «Былое и думы». Из гегелевского тезиса вытекает примиренческий взгляд на мир. Но период примирения с действительностью у В. Г. Белинского скоро прошел. «Действительность есть чудовище, вооруженное железными когтями и железными челюстями...», — писал он. «Что ж делать при виде этой ужасной действительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить». Смысл своего нового понимания жизни В. Г. Белинский выразил в девизе: «...Жизнь есть действие, а действие есть борьба...». Взгляды революционных демократов полны романтики, отваги, в них брошен вызов ненавистной действительности.

Вместе с тем в этическом учении русских революционных демократов слиты воедино борьба и любовь, и нет одного без другого. Не отвлеченная любовь к абстрактному человеку, лишенному плоти и крови, а любовь к русскому трудовому народу воодушевляла их. «Любить свою родину значит, — писал В. Г. Белинский, — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому». Счастье родины — это и счастье народа. Бороться за такое

счастье — вот смысл жизни революционера. Счастье народа, считали революционные демократы, достижимо при социализме, а путь к нему — народная крестьянская революция, к ней и нужно готовиться, к ней призывать народ.

Взгляды и убеждения старших представителей революционно-демократического движения в России углубил и развил «глава левой партии в России» — Н. Г. Чернышевский. Понимание смысла жизни человека, его назначения в высказываниях Чернышевского приобретает большую определенность и ясность. «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?» Как демократ и великий гуманист, он не отделял славы и процветания отечества от задач развития человеческой личности. «Альфа и омега наших стремлений — всевозможный простор для развития личности». В устах революционного демократа «личность» — это прежде всего простой человек, а не «высоконравственный» представитель верхушки общества.

Н. Г. Чернышевский исходил из безусловного признания исторического прогресса. Отсюда его девиз: «Жизнь принадлежит истории». Это положение имеет глубокое этическое значение. В нем можно видеть разные оттенки, но главное — и жизнь отдельных людей, и жизнь поколений имеет смысл, если она служит историческому прогрессу. В этом положении преодолевается обычное для философии прошлого противопоставление жизни отдельного человека и общего исторического развития. Жизнь человека совершается в связи с историей, с развитием общества, с политикой и борьбой. Но сама история есть процесс, нуждающийся в научном освещении. Поэтому быть глашатаем нового века, «опережая

свою эпоху», «предусматривать зарю грядущего дня» — смысл жизни и гражданский долг настоящего ученого. А борьба за царство радости и счастья, против несправедливости и произвола — цель жизни и священный долг каждого честного человека. Эта борьба даст ему величайшее удовлетворение.

В этическом наследии Н. Г. Чернышевского определенное место занимает теория «разумного эгоизма». Возможно, это не лучшая его часть, поскольку данная теория узка, ограничена и оказывается перед серьезными трудностями в решении сложных социальных проблем. Однако вместе с обычными для теории «разумного эгоизма» ссылками на природную любовь человека к самому себе («человек всегда действует по расчету выгоды») у Н. Г. Чернышевского намечаются попытки выйти за узкие рамки антропологического принципа. Стремиться к личному счастью, к радости — это эгоизм. Но если радость и счастье дает торжество правого (разумного) дела, то такой «эгоизм» перестает быть эгоизмом в узком, обычном смысле этого слова, перестает быть своекорыстием.

Н. Г. Чернышевский считал, что добрым человек бывает тогда, когда для получения приятного себе он должен делать приятное другим. Развивая эту тему, он акцентировал момент гражданственности, необходимость «приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах...». И проповедник «разумного эгоизма», глашатай личного счастья как цели жизни предстает перед нами как страстный борец за будущее и как вдохновенный его пророк. Теорию «разумного эгоизма» Н. Г. Чернышевского можно понять как стремление доказать внешне парадоксальную, но по существу верную мысль о совпадении разумного, глубоко

понимаемого личного интереса с интересом общественным. Дело, которое приносит человеку самое полное удовлетворение,— бескорыстная борьба за счастье будущих людей. «...Будущее светло и прекрасно,— вдохновенно писал Н. Г. Чернышевский.— Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего».

Таким образом, не только теоретическим путем, но и логикой самой классовой борьбы русские революционные демократы близко подошли к этическим положениям марксистско-ленинского учения.

Диалектика цели и средств. Цель и счастье

В своем гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» К. Маркс написал: «...главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование»¹. Уже здесь намечается стремление соединить заботу об обществе с требованиями личного развития и совершенствования самого человека.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 7.

В дальнейшем это положение развивается в учение о единстве общественных и личных интересов. Цели и интересы отдельного человека не определяются вне связи с обществом, с конкретным общественным строем и теми социальными силами, которые «ведут» его развитием.

Марксизм-ленинизм отказывается от бесплодных попыток раз и навсегда определить абсолютную, неизменную сущность человека, точно так же как отвергает отвлеченные представления об исторических целях человеческого общества. Историю нельзя представлять себе как реализацию какого-то предначертания. Люди сами творят свою историю. Задача ее исследователя состоит не в том, чтобы измышлять ее цели, а в том, чтобы вскрывать их в самом же историческом процессе. История создает и своих героев, и своих идеологов. Требование коммунистического преобразования общества является необходимым выводом из научного анализа противоречий капиталистического общества, которое неизбежно порождает своего «могильщика».

Будучи объективной необходимостью, историческая цель находит себе выражение в соответствующей идейной форме. Цель должна быть понята как естественно-историческая необходимость, «сознавшая самое себя». «Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов,— писал К. Маркс.— Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет»¹.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 381.

Цель социального развития дает сознание перспектив этого развития. А поскольку речь идет об объективном историческом процессе, то в результате человечество всего лишь «сознательно осуществляет свою старую работу»¹. Вместе с тем объективная историческая необходимость реализуется несравненно быстрее, будучи воспринята людьми как осознанная, субъективная цель: «...мир уже давно грезит о предмете, которым можно действительно овладеть, только осознав его»².

Добавим, что наряду с разработкой исторического аспекта целеполагания К. Маркс и Ф. Энгельс обращают пристальное внимание на его личностный аспект, особенно в плане всестороннего и гармонического развития человеческой личности. Целостная личность есть такая же цель, как и развитие человеческого общества по пути к коммунизму, ибо коммунизм есть практический гуманизм. Коммунизм представляет собой действительное становление, «действительно для человека возникшее... осуществление его сущности как чего-то действительного»³.

Если целостная, гармонически развитая личность есть социально-историческая цель, то человек должен это сознавать, должен понять собственную сущность, чтобы реализовать ее, он должен проникнуться чувством достоинства и готовностью к решительной борьбе за свое собственное раскрепощение.

При разработке вопросов революционного преобразования общества К. Марксу и Ф. Энгельсу пришлось бороться с телеологическими концепциями исторического развития, вообще с телеологическим

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 381.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 169.

взглядом на мир, когда и в природе, и в человеческой истории усматривается чья-то цель и сознательная воля, что превращает их в нечто вроде автомата, реализующего заложенную в нем программу. Или же, говоря гегелевским языком, история разворачивается как эмпирическое осуществление логического процесса, процесса самодоказательства истины. «Как у прежних телеологов растения существовали для того, чтобы их пожирали животные, а животные для того, чтобы их пожирали люди,— писал по этому поводу К. Маркс,— так и история существует для того, чтобы служить целям потребительского акта теоретического пожирания, доказательства. Человек существует для того, чтобы существовала история, история же для того, чтобы существовало доказательство истин. В этой критически тривиализированной форме повторяется та спекулятивная мудрость, которая утверждает, что человек и история существуют для того, чтобы истина пришла к самознанию»¹.

Маркс и Энгельс не считали человека слугой истории. История существует, поскольку существуют люди, история есть история человеческой деятельности, и вне этой деятельности она остается чисто спекулятивным понятием.

Ставя себе цели и реализуя их, человек сознательно или бессознательно исходит из факта существования объективного мира и его законов, которые лежат в основе целесообразной деятельности. Целеполагание предполагает последующее организованное, направленное воздействие на окружающий мир, результаты которого можно прогнозировать. Ведь цель есть и предвидение, а оно осно-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 86.

вано на знании закономерностей развития. Хаотические и случайные изменения сделали бы невозможным достижение намеченной цели. «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное»¹, — писал В. И. Ленин. Цели реализуются («осуществляют себя») опять же в виде «внешней деятельности», то есть в мире материальных вещей и по его законам. Целесообразная деятельность есть процесс использования «внешнего мира» путем его преобразования в соответствии с потребностями человека, которые, в свою очередь, порождены условиями материальной жизни.

Цель выражает связь идеального и материального. В процессе же реализации целей, в свою очередь, устанавливаются новые связи, отношения, закономерности.

Для человека, захваченного целью, весь мир может предстать в особом освещении. Близкое и далекое, прошлое и будущее в «целевом» пространстве и времени воспринимается иначе, чем обычно. Предметы «приближаются», если они оказываются втянутыми в нашу целенаправленную деятельность, прошлое переносится в настоящее, если мы находим в нем полезный для нас опыт.

Категория «цель» традиционно рассматривается в ее отношении к категории «средство». Прошлое и настоящее — арсенал средств; будущее — адресат целей. Мы идем навстречу нескончаемому потоку целей и оставляем их за собой реализованными в виде различных средств, обслуживающих наши потребности. Диалектика *цели и средства* — очень важный и интересный вопрос.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

Наличие средств определяет возможности разумного целеполагания. Возникновение цели, той или иной задачи свидетельствует об имеющихся в действительности или находящихся в процессе становления средствах для достижения этой цели. В предисловии к своей работе «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «...человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹.

Тот или иной предмет становится средством (и при этом раскрывает «цель», достижимую при его посредстве) лишь в рамках определенного отношения к человеческой деятельности. Деятельность есть практическое использование средств, и в силу этого знание о средствах богаче и полнее, чем представление о целях, поэтому человек свободнее в средствах, чем в целях. Это положение было подмечено еще Гегелем, его подтвердил В. И. Ленин в своих «Философских тетрадах»: **«В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей»**².

Оказывая предпочтение «средству» как чему-то, по словам Гегеля, «более высокому, чем конечные цели», мы, во-первых, выражаем мысль о первичности материального по отношению к идеальному, так как средство есть нечто уже существующее, в то время как цель только мыслится и до времени существует идеально. Став результатом, она «сгорает» и перестает быть тем, к чему стремятся.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 172.

Во-вторых, поиск средств, их изготовление и использование зачастую требуют большой изобретательности, находчивости, в сферу деятельности человека вовлекается множество предметов. В результате человек познает и создает многое такое, что не предусматривалось в его целях. В-третьих, благодаря используемым средствам человек поднимается и над своей собственной природной ограниченностью. Совершенствуя орудия, он развивается сам.

Вместе с тем различие целей и средств относительно. Вне связи с деятельностью человека вещи не определяются ни как средства, ни как цели. Но и в кругу человеческих дел средства могут рассматриваться как промежуточные цели. Топор, которым работает плотник,— средство. Топор, который намерен сделать кузнец,— цель. Жизнь представляет собой нескончаемую «игру» целей и средств. В средства не превращаются лишь так называемые «конечные цели».

Понятие «конечная цель» даже в применении к некоторому социальному идеалу или к совершенной человеческой личности является понятием относительным, так как процесс целеполагания имеет в таком случае нескончаемый характер. Гармония, к которой стремятся и общество, и человеческая личность, не статическое состояние, а динамический процесс, она постоянно вновь и вновь возобновляется, сама себя полагая как цель и развиваясь в своем содержании.

Цель порождается противоречиями и сама есть противоречие. Объективным основанием процесса целеполагания является диалектическое противоречие между *возможностью* и *действительностью*, что субъективно может рассматриваться как противоречие между *реальностью* и *идеалом*. Пусковым моментом процесса целеполагания становится неудовлетворен-

ность действительностью. В. И. Ленин пишет: «...мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»¹. Такая неудовлетворенность миром может быть вызвана разными причинами, но чаще всего это различные социальные противоречия и прежде всего противоречия в самом способе общественного производства. Идет поиск выхода из возникших трудностей, пока, наконец, не формулируются сознательно поставленные цели.

Понятия «цель» и «средство» тесно связаны с понятием «причинность». Оба вышеназванных понятия выступают то в роли причин, то в роли следствий. Средства причинно обуславливают цели, но цели, будучи поставлены, сами начинают играть роль причин человеческой деятельности, они направляют и организуют активность людей.

Социально значимые цели нуждаются в оценках. Их ценность определяется в конечном счете соответственно тому, насколько они способствуют прогрессивному развитию общества. Прогресс же наполняет цели историческим смыслом. Прогресс начинается с развития средств, поскольку в общественном способе производства ведущей стороной являются производительные силы, а в них — средства производства. Любая цель, поставленная вопреки этой закономерности, неизбежно сталкивается с «дефицитом средств». Однако нельзя забывать, что и сам процесс целеполагания является великим стимулирующим средством.

Общественный прогресс обязательно предполагает осознанное целеполагание — объективное включает субъективное. Способность принимать решения и добиваться их исполнения объективно необходима для функционирования высокоорганизованных, ди-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

намических, быстро развивающихся социальных систем.

Процесс постановки целей предполагает не только существование объективных закономерностей природной и общественной жизни, не только наличие средств, необходимых для достижения этих целей. Он предполагает также субъективную *свободу* и *активность*. Чтобы ставить цели, необходимо не только знать объективные законы и пользоваться ими, но нужно еще и «противостоять» миру.

Как же может человек «противостоять» объективной действительности? Откуда появляется какой-то «остаток», свободный от деспотии детерминизма, если и сами желания человека определяются в конечном счете объективными причинами. Поиски ответа на данный вопрос приводят к исследованию *человеческой деятельности*.

Человеческий труд невозможен без относительной свободы. Действительность предоставляет человеку возможность делать выбор, а значит, ставить те или иные цели. Его свобода есть отражение объективной необходимости, в которой заложена альтернатива, многообразие вариантов, что, разумеется, не исключает господствующей тенденции. Именно труд выделяет человека из предметного мира, который он преобразует сообразно законам своей жизнедеятельности. В процессе труда человек не только мысленно представляет цель своей деятельности, пути, ведущие к ней, но и себя самого в качестве активной и деятельной силы.

Труд в такой форме, в которой он, по словам К. Маркса, «составляет исключительное достояние человека», представляет собой деятельность *целесообразную*: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача,— отмечает К. Маркс,— и пчела

постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель...»¹

Субъективность — явление историческое, субъектом человек становится на определенном этапе исторического развития, и происходит это в результате общения, в результате совместного труда людей. «Я» — понятие субъектно-объектное, как правильно считает советский философ И. С. Кон. Чтобы взглянуть на себя со стороны, человеку нужны чужие глаза. Свои собственные свойства он открывает в себе с помощью других людей, в них он смотрится как в зеркало. К. Маркс отмечал: «Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»².

С помощью орудий труда человечество все более активно воздействовало на природу, но благодаря этому оно вступало во все более глубокий конфликт с нею, ибо, создавая искусственную среду, природу второго рода, человек вносит в окружающий мир «возмущения», часто враждебные и для него самого. Это побуждает его ставить все новые и новые цели

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

² Там же, с. 62.

и всматриваться в результаты своей деятельности. Субъективность есть и определенный вид знания, самосознание, когда субъект становится «субъектом для себя» и как таковой соотносит свои поступки и действия с окружающей действительностью.

Связь целеполагания с процессом *познания* не подлежит сомнению. Как и всякое познание, оно есть отражение объективного в субъективном. Однако «цель» представляет собой специфическое отражение действительности, это, по выражению советского физиолога П. К. Анохина, «опережающее отражение». Ее можно назвать и «моделью будущего», по словам другого советского физиолога — Н. А. Бернштейна. Цель есть мысленная модель будущего результата.

Цель не является просто знанием. Это — знание, дополненное *стремлением*. Цель всегда окружена целым спектром человеческих переживаний: забот, надежд, сомнений, горьких разочарований и радости.

Целеполагание — одна из сторон целостного процесса человеческой жизнедеятельности. Именно в практической деятельности человек осознает свои потребности. Поэтому «цель» выступает также и знанием того, что нужно человеку.

Цель, которую ставит перед собой человек, пребывает в постоянном движении и развитии, она никогда не остается неизменной. Даже если человек стремится к одной и той же цели на протяжении всей своей жизни, эта цель сама растет и развивается, в нее включаются дополнения и уточнения. Одна и та же цель перед мысленным взором юноши встает иной, чем она рисуется зрелому человеку, жизненный опыт которого накладывает свой отпечаток, свою эмоциональную окраску на образ цели. Цель «растет» вместе с движением к ней.

Разрешение познавательных задач, процесс познания в ходе осуществления намеченной цели могут обретать относительную самостоятельность, начинают увлекать человека сами по себе и в конце концов сами становятся целями. Например, человек хотел только отремонтировать автомобиль, но увлекся техникой, и технические знания приобрели для него самостоятельную ценность. Цель есть знание, но и знание есть цель.

Познавательная деятельность в процессе целеполагания и в ходе осуществления цели приносит человеку подлинные открытия со всеми эмоциональными чертами творческого процесса, включая интуитивное «озарение» и чувство величайшего удовлетворения, когда после долгих и порой отчаянных попыток достичь своей цели, найти свое место в мире человек добивается успеха.

В философской и этической литературе при характеристике процесса целеполагания преимущественное внимание обращается на рациональные моменты. Это справедливо. Но отрицать роль, которую играют при этом неосознанно протекающие психические процессы, очевидно, также не следует. Некоторые задачи, требующие быстроты ответа, использования огромного объема информации, решаются интуитивно, что с помощью относительно медлительной рациональной, рассудочной деятельности сделать было бы невозможно. Сравним слалом и шахматную игру. Если бы горнолыжник пользовался теми же приемами, что и шахматист, он не в состоянии был бы решить стоящие перед ним задачи.

Интуитивное решение, интуитивный выбор осуществляются с быстротой, недоступной развернутым логическим процессам. И они постоянно имеют место как при поиске целей, так и при выборе средств для

их достижения. «...Было бы грубой ошибкой,— подчеркивает советский психолог Ф. В. Бассин,— рассматривать неосознаваемые формы высшей нервной деятельности как редкие эпизоды в работе мозга. В действительности дело обстоит прямо противоположным образом». Целеполагание не обходится без интуиции.

Понятия «цель» и «средство» связаны также с понятием «истина». Вряд ли следует доказывать, что объективная истинность наших знаний о целях и средствах, необходимых для их реализации и о способах их использования, есть необходимое условие успешного достижения целей. Но нуждаются в уточнении понятия «истинная цель», «истинное средство». Понятие «истинная цель» имеет, по-видимому, два аспекта.

Во-первых, оно предполагает правильное понимание субъектом своей способности к определенному виду деятельности. Важно не смешивать интересы и стремления со способностями. Бывает, что стремления человека, навеянные внушениями родных или товарищей, модой или престижностью профессии, уводят человека от его «истинной цели». А в результате — неудачи, ошибки и разочарования. Истинная цель каждой личности — реализация ее собственных способностей, превращение их в средство для достижения того или иного результата. И чем полнее соответствие между способностями, задатками человека и выбранной им целью, тем ближе такая цель к истинной цели. Во-вторых, истинная цель — это цель, наиболее полно соответствующая социально-историческим потребностям данного общества, данной эпохи. Это соответствие можно представить как совпадение «вектора» индивидуальной жизни с магистральным направлением общественного развития,

а в конечном счете — общечеловеческого прогресса.

Бывает, что под властью чувств вопреки доводам рассудка человек приписывает своей цели завышенные характеристики, «влюбляется» в свою цель и боготворит ее. Рассудок и чувство начинают спорить между собой. Верх может одержать как та, так и другая сторона. Бывает, что субъективно возвышаемая цель бледнеет под пристальным взором рассудка, подвергается девальвации, уценке, когда обретает свою конкретность. Практика — основной критерий истинности и чувств, и мыслей.

Цель подчиняет себе наше восприятие, нашу память. Именно благодаря ей разные сообщения приобретают информационный характер. Без отношения к интересам, потребностям и целям они оставались бы безразличными для нас. К собственным целям мы относимся почти как к живым существам. Мы храним их и оберегаем, заботимся об их чистоте, стремимся развивать и совершенствовать. Иначе говоря, у нас вырабатывается моральное отношение к своим целям, к их содержанию. Таким образом, мы переходим к вопросу о моральном аспекте цели и целеустремленности.

Как все в мире, мораль также развивается в борьбе противоречий. Откуда берутся эти противоречия, что порождает моральный протест, неудовлетворенность нравственной жизнью общества? Нравственные коллизии есть порождение социальных конфликтов.

Моральные представления и этические теории всегда имеют прогностический аспект. Они сигнализируют о социальных противоречиях, о неблагополучии в общественных отношениях и тем самым побуждают людей к поиску выхода из кризисных ситуаций. Моральные идеалы дают некоторое представление о путях дальнейшего общественно-исторического раз-

вития и связаны не только с отрицанием существующего.

Однако из этого никак не следует, что этический подход может конкурировать с научным. Научный коммунизм строится не на благих пожеланиях, тем более что сами эти пожелания должны быть поняты исходя из исторических условий, из состояния классовой борьбы. Классовые интересы детерминируют «благие пожелания». Но вместе с тем научный анализ должен включать в круг своих исследований и феномен морального сознания.

Что отличает человека от других живых существ? Конечно, в первую очередь способность трудиться, членораздельная речь, наличие ряда морфологических особенностей, среди которых чудо совершенства — его мозг и, может быть, не меньшее чудо — его рука.

Но трудовая деятельность невозможна без целеполагания, а речь становится невразумительной, если человек не знает, что ему сказать. Целеполагание — отличительная черта человека, его замечательная способность и привилегия. Благодаря ей он выделяется из окружающего мира. Значит, развитие этой способности у людей — одно из важных условий социального прогресса, его гуманизации. «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция»¹, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев. В этих словах дана этическая оценка целеустремленности.

Ближайшую связь моральные цели (о них у нас в первую очередь речь) имеют с категорией добра. Добро можно понимать по-разному. Это категория историческая и классовая, как очень четко отметил

---

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 77.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Но при всех различиях моральные цели так или иначе ориентированы на добро.

Целеустремленность, не подкрепленная моральными гарантиями, сама по себе не является достаточно моральной ценностью. Люди, как правило, относятся настороженно к активности и целеустремленности, если не ясна их положительная моральная направленность.

С таким явлением мне пришлось столкнуться при проведении социологического исследования в одном научно-исследовательском институте. Хотелось получить данные относительно моральной оценки целеустремленности, и вот оказалось, что значительное число ответов носило негативный характер. Дальнейшее изучение материала убедило меня в том, что это негативное отношение преимущественно выражает неприязнь к карьеризму и делячеству.

Цели нельзя рассматривать в отрыве от моральной оценки средств. Отношение между целями и средствами является важнейшей этической проблемой. Добрые цели останутся мечтами, если они не вооружены средствами, но вместе с тем прекрасные намерения превратятся в свою противоположность, если для их исполнения будут привлечены дурные, бесчестные средства, так как наряду с желаемой целью будет совершено и такое, что способно опорочить ее. «...Цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель»¹, — отметил К. Маркс.

Нравственные цели человеческой жизни имеют самое непосредственное отношение к понятиям «смысл жизни» и «идеал». Смысл жизни выражает социальную сущность индивидуальных стремлений

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65.

и целей. В целях он конкретизируется, наполняется реальным содержанием. Идеал же в своем этическом аспекте представляет собой предельную стадию нравственного совершенства.

Конечно, не всякий идеал может являться целью. Очевидно, не каждому дано быть большим художником. Но область человеческих моральных отношений отличается от других сфер тем, что никому не заказано стремиться к высотам нравственного совершенства. Когда человек осознает возможность приблизиться к нравственному идеалу, он чувствует неодолимую потребность сделать это. Если же он упускает ее, по тем или иным причинам, для него наступают времена тяжелых моральных переживаний. Порой бывает, что жизненный кризис приводит к крушению идеалов, к «сожжению старых кумиров». Но обычно идеалы — сильнейшие стимуляторы человеческой активности. К. Маркс писал: «...идеи же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»¹.

Нравственные возможности есть, таким образом, одновременно и моральные долженствования. Если я могу сделать добро, то я обязан его сделать, иначе меня постигнет моральное наказание: угрызения совести, муки раскаяния. Добро выступает как «субъективное долженствование»².

Пока мы ищем собственное место в мире, пока определяем свое назначение, свою основную жизненную цель, нам предоставляется право выбора, право менять свои решения, то есть мы обладаем относи-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 196.

тельной свободой. Но когда выбор сделан, решение принято, нужно, как говорят, «идти до конца». Теперь человек становится «невольником», прикованным совестью к избранной цели. Так цель превращается в долг. Нравственный человек обязан найти свою цель, свое дело. «Каждый человек,— утверждал американский писатель Э. Хемингуэй,— рождается для какого-то дела. Каждый, кто ходит по земле, имеет свои обязанности в жизни».

Наш человеческий долг — найти свою цель, дело своей жизни, правильно понять ее социальный смысл, а затем служить ей в полную меру своих сил и способностей. Так приобретает человек самые крепкие и самые приятные «узы», так складывается нерасторжимый союз цели и долга.

Нашу верность цели охраняет не только властная сила долга, к цели влечет нас и надежда на радость, на вознаграждение в конце многотрудного пути. Заслуженное вознаграждение доставляет человеку высокое моральное удовлетворение, это сильный побудитель человеческой активности. Но, кроме того, следует отметить, сколь необходима человеку жизненная цель сама по себе. Очень хорошо это выразил русский педагог К. Д. Ушинский: «Удовлетворите всем желаниям человека, но отымите у него *цель* в жизни и посмотрите, каким несчастным и ничтожным существом явится он. Следовательно, не удовлетворение желаний — то, что обыкновенно называют счастьем, а *цель в жизни* является сердцевинной человеческого достоинства и человеческого счастья».

Стремление к счастью — жизненная цель каждого человека. А. С. Макаренко писал, что счастье есть состояние человека, к которому он естественно стремится и из-за которого, собственно говоря, живет.

Цель же — поводырь человека по запутанным жизненным дорогам. При этом оказывается, что счастье есть не столько конечный результат, сколько сам пройденный путь и те дела, которые сделаны на этом пути. «Синюю птицу» счастья не посадишь в клетку, там она превратится в канарейку. Она жива, пока человек стремится за ней. А это значит, как пишет венгерский писатель и поэт Дюла Ййеш, «наполнить достойным содержанием каждый миг своей жизни, возвести ее в ранг непреходящей ценности, придать прочность и целесообразность своему бытию...».

Из сказанного следует, что счастье зависит главным образом от самого человека, а не от случая или жребия. По-настоящему счастливыми не могут быть лентяи, поскольку счастье предполагает деятельность. Люди наделены разными способностями, но лишь полностью отдав их на пользу обществу, человек чувствует себя счастливым. И в этой возможности отдать себя все равны.

О счастье говорят, что это ощущение полноты жизни, сознание честно выполненного общественно-го долга перед родиной, а значит, и перед человечеством. Это ощущение и это сознание доступно и великим людям, и людям обыкновенным, простым. «Я твердо убежден,— утверждал русский критик В. В. Стасов,— что от самого маленького человека и до самого большого — от какого-нибудь мостовщика и трубочиста до наших великих богов — Байрона, Шекспира или Бетховена, все только счастливы и спокойны, когда могут сказать себе: «Я сделал то, что мог». Все остальное в жизни ничто».

Счастье предполагает сознательную творческую деятельность, или, что то же самое, деятельность целенаправленную. Для счастья мало что-то создавать. Надо создавать именно то, что человек поставил

перед собой, как серьезную, значительную цель. Глубокое удовлетворение дает человеку не просто деятельность, а чувство того, что в этой деятельности он послушен собственной воле. В это чувство входит самоуважение и уважение товарищей, сознание выполненного долга и чувство внутренней свободы, а также масса других радостных переживаний.

Сознание того, что жизнь прожита ради значительной цели, служит для человека и его последним утешением. В конце жизни человек не может уйти от вопросов: «Зачем я жил? Что сделал в жизни? Не прожил ли я ее впустую?» И память лишь о пережитых удовольствиях не будет ему утешением.

Человека всегда влечет образ бесконечности. Он и страшит его своей необъятностью, и притягивает его. Человек хочет оставить память о себе, которая пережила бы его самого. Нам кажется удачной мысль Дюлы Ийеша: «...жить ради более возвышенной цели, а тем самым, значит, и жить посмертно, — вот что отличает человека от животного».

Бессмертие — великая моральная цель. Ограничена ли жизненная цель и сама жизнь человека хронологическими рамками его личного «земного бытия»? Безусловно нет! Разве не живут в наши дни мысли и дела великих людей прошлого. Огромное количество маленьких человеческих жизней образует бесконечность, представляющую собой то самое доступное человеку бессмертие, которое пребудет вовек, пока не прервется единый исторический поток, связующий чередующиеся поколения.

Сообщая своим делам социальную значимость и преемственность, человек приобщается к бессмертию и вместе с тем испытывает величайшее счастье, душевное спокойствие от сознания, что он «частица этой общей полноты».

Люди смертны. Но должна ли мысль о смерти порождать уныние у живущих? Что ж, человек умирает. Но продолжает жить его дело, его вклад в общие достижения. Могут возразить: он этого не увидит. Верно. Но он это понимает, представляет. Это его радует при жизни. Возможно, ты и не дождешься яблок с посаженного тобой сада, не сможешь рукоплескать успехам твоего ученика, но умственным оком своим ты все это в состоянии предвосхитить. Личную смертность человек преодолевает бессмертием своих дел. Творить — значит убивать смерть. Какое основание считать нашу жизнь свечой, которая без остатка сгорает, а не деревом, которое непрерывно растет, дает плоды и новые побеги?

Стремление к личному бессмертию, но не в религиозном, а в вышеописанном смысле имеет очень большое психологическое и моральное значение, как переживание своей приобщенности к такому делу, которое переживает века. Чтобы почувствовать человеческое бессмертие, нужно уметь соединить себя с тем бессмертным миром, в котором мы живем. Лев Толстой, много размышлявший над проблемой смерти и бессмертия, в конце концов пришел к следующему заключению: «Этот мир не шутка, не юдоль испытания и перехода в мир лучший, вечный, а это — один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нем».

Желание оставить память о себе является важнейшим стимулятором человеческой деятельности. Под его влиянием люди трудятся всю жизнь, отказывая себе в сне и отдыхе, в элементарных удобствах и простых человеческих радостях во имя будущего, веря,

что их дела будут приносить добро и после них. Такое бессмертие есть величайшая цель жизни.

Осуществить себя, продлиться, оставить после себя «чекан жизни», как говорил турецкий писатель и общественный деятель Назым Хикмет,— это естественное человеческое стремление, и нам оно не представляется тщеславной заботой об увековечении своего имени. Смерть и бессмертие — диалектически взаимосвязаны. Смертный, стремясь к бессмертию, напрягает все свои силы, чтобы вместить в конечные рамки отмеренного ему времени максимум дел, остающихся после него.

Знать, стремиться, хотеть и мочь

Целеустремленность объединяет в человеке глубину знаний, силу стремлений, порыв творческого вдохновения. Во имя высокой цели люди переносят пытки и лишения, за нее отдают и жизнь. Можно привести тысячи примеров поразительной стойкости, самопожертвования, проявленных коммунистами разных стран, негибаемыми борцами за освобождение трудящихся.

Чтобы правильно понять значение целеустремленности в жизни человека и коммунистической це-

леустремленности в особенности, нужно ответить на некоторые вопросы. Какое место занимает целеустремленность в системе моральных ценностей? Какому конкретному делу должен посвятить себя человек, желающий жить активно и целеустремленно? Как, идя к намеченной цели, не помешать другим? Как организовать совместное движение по избранному пути, чтобы не получилось, как в басне И. А. Крылова про лебедя, рака и щуку? Как узнать, чего хотеть, как узнать истинную цену своему хотению, правильно оценивать собственные силы?

Начнем с сопоставления понятий целеустремленности и ценности. Среди философов нет единого мнения относительно природы и сущности человеческих ценностей. Философы-идеалисты, как правило, склонны видеть в ценностях нечто вечное и неизменное. Однако вечных ценностей, нерасчленимых «атомов морали» не существует. Другие мыслители приписывают моральным ценностям грубо утилитарный, природно-биологический характер: ценно то, что полезно или приятно.

Марксистская этика ставит понятие ценности на научную основу материалистического понимания истории. Ценности человеческой жизни, как и другие моральные понятия, социально обусловлены и тесно связаны с историческими задачами данной эпохи. «Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов»¹, — говорил В. И. Ленин на III съезде комсомола.

Есть человеческие качества, которые нам представляются потенциально ценными. Храбрость,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.

стойкость, убежденность можно уважать даже в противнике. Но реальной ценностью эти качества становятся лишь в определенном идейном контексте. Бесспорно, целеустремленность — величайшая сила. Для нее почти не существует преград. «На свете мало недостижимых вещей,— писал французский философ-моралист Ф. Ларошфуко,— будь у нас больше настойчивости, мы могли бы отыскать путь почти к любой цели». Это верно. Однако упорство в достижении поставленных целей само по себе тоже небезотнositельно ценное качество. Его реальная ценность зависит от характера преследуемых целей.

Коммунистическая целеустремленность соединяет научное понимание исторических целей и задач со страстным стремлением к их реализации. «...Начиная социалистические преобразования,— учил В. И. Ленин,— мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества...»¹

Целеустремленность является высокой моральной ценностью, когда она наполнена гуманным смыслом, когда личные и коллективные цели направлены к благу и счастью людей. Целеустремленность расправляет крылья только в условиях действительной свободы, когда человек или коллектив наделен правом принимать решения, ставить цели и добиваться их реализации. Когда цели привносятся со стороны и навязываются, активность людей неизменно ослабевает, гаснет или ищет себе какие-то другие выходы. Бывает, что в таких условиях у людей возникает и отрицательная активность, активность антиобщественная. Не случайно большое значение ныне прида-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 44.

ется развитию активности самих трудящихся, трудовых коллективов. Обязательства, например, реальны тогда, когда их принимают сами трудящиеся, взвесив и трезво оценив собственные силы и возможности.

Мало знать направление, по которому предстоит идти, надо иметь силы одолеть этот путь. Целеустремленности необходима сила воли, без нее дело перерождается в пустое прожектерство, в праздную болтовню. Это справедливо и для личных и для коллективных целей. «Только тогда знание теории чего-нибудь стоит, когда оно превращается в убеждение, подкрепляется делом»¹, — говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола.

Любая цель, каждая задача, которую мы сегодня ставим и решаем, непременно предполагает прямую или косвенную связь с повышением качества всей нашей работы, с ростом ее эффективности. Это относится и к труду на промышленных предприятиях и в колхозах, в научно-исследовательских институтах и учебных заведениях, и к воспитательной работе, и к управленческой и любой другой деятельности. Только при этом условии будет обеспечен дальнейший успех нашего движения к исторической цели — к коммунистическому обществу.

История есть история людей, преследующих определенные цели. История есть и история развития самих людей. Человек и субъект, и объект исторического процесса. Людей формируют обстоятельства и условия их жизни, характер их деятельности. Но и обстоятельства создаются людьми. Рассматривая эту диалектическую взаимосвязь применительно к задаче революционного переустройства общества и кри-

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 7, с. 291.

тикуя недостатки прежнего, «созерцательного» материализма, К. Маркс писал в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе»: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания,— это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика»¹. Поэтому всестороннее развитие человека является необходимым условием прогресса человеческого общества, а также есть высшая историческая задача, которую ставит перед собой коммунистическое общество.

В прошлом свободное, всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности было сковано, ограничено социальной дифференциацией общества, имущественным неравенством, классовыми и сословными рамками, порабощающим людей разделением труда. Капиталистическое разделение труда превратило рабочего в агента производственного процесса, в «частичную личность», в работника, выполняющего частичную функцию. Личность как целое в ее полноте и гармоническом единстве оказалась отчужденной от человека.

Коммунистическое общество обеспечивает «вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»². Решение этой исторически необходимой, ответственной задачи является предметом постоян-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 265.

² Там же, т. 19, с. 120.

ной заботы нашего общества, и в этом находит живое воплощение «практический гуманизм» программных целей партии.

Какие бы грандиозные планы мы ни строили, какие бы возвышенные цели ни выдвигали перед собой, самой великой целью для нас остается сам человек. Человек — единственная самодостаточная цель. Все остальное служит человеку. Но именно это и налагает на него самые высокие обязательства — быть действительно человеком, что также значит быть гармонически развитой личностью.

Чем сильнее и могущественнее становится человек, тем острее становится вопрос о самом человеке. От него зависит будущее человечества и судьба нашей планеты. Человек — главная сила на земле, и эту силу важно направить на его же собственное развитие и совершенствование.

Существует много определений гармонии. Но в большинстве случаев этим понятием отмечается соразмерность, согласованность, соответствие, устойчивость. Гармония есть и закон построения целого, и его внутреннее ограничение. Но это ограничение такого характера, которое не приводит к однообразию.

Так, при существовании некоторого общего социального типа личности, порожденного определенными историческими условиями, классовой принадлежностью, особенностями эпохи, в рамках этого общего типа могут существовать индивидуально-типические различия людей.

Экономическое и политическое равенство при социализме вовсе не приносит с собой равенства «физических и душевных способностей отдельных личностей»¹, одинаковости людей. Социалистическое

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 364.

производство сохраняет разделение труда и профессиональную подготовку людей, оно нуждается в разнообразии талантов и способностей и обеспечивает каждому человеку возможность работать по способности и развиваться по-своему. Очевидно поэтому, что не существует одного-единственного типа гармонического человека, а существует множество различных его вариантов, по-своему совершенных и полноценных. Гармония — принцип построения целостной личности, а не шаблон или трафарет.

Естественно, что гармоническое развитие, скажем, сталевара и астронома предполагает определенное различие, неодинаково гармоническое развитие повара и скрипача. Это не означает, что сталевар не может интересоваться звездами, а скрипач кулинарным искусством, но определяющую роль для каждого человека играет вид его профессиональной деятельности.

Люди различаются по характеру и темпераменту, они по-разному усваивают общественный опыт, овладевают разными социальными и групповыми ролями. Но, будучи разными, люди могут гармонически развиваться, занимаясь различными видами деятельности. Важно, чтобы дело, которое берет на себя человек, соответствовало его силам и способностям, чтобы между его стремлениями, замыслами и поступками было согласие. У гармонически развитой личности слова и заявления не расходятся с действительными «внутренними» убеждениями, а жизненные установки — с реальной жизненной практикой.

Гармоническая целостность личности с особой силой и красотой проявляется именно в самые тяжелые, в самые ответственные моменты жизни. Целостную и гармоническую жизнь прожил, например,

Юлиус Фучик. В фашистском застенке, когда его пытались заставить просить о помиловании, он гордо бросил: «Я жил не напрасно и не опозорю свои последние дни».

«Внутреннюю» гармонию личности мы рассматриваем прежде всего как целостную совокупность волевых, нравственных, интеллектуальных качеств человека, как способность претворять в жизнь собственные стремления и вести себя соответственно своим «максимумам». Такая гармония доставляет человеку чувство удовлетворенности, но не самодовольства, поскольку в ней содержится творческий импульс и критическое отношение к достигнутым результатам. Вместе с тем гармония объединяет внутренний мир человека и его социальное бытие, она есть единство общественного и личного.

Порой спрашивают, не противоречат ли задаче гармонического развития личности требования ее специализации, профессиональной подготовки. Нельзя же одновременно заниматься разными делами, требующими зачастую совершенно разных способностей. Еще древнеримский философ-стоик Сенека учил в своих «Нравственных письмах к Луцилию»: «Кто везде — тот нигде... Не окрепнет растение, если часто его пересаживать». Человек должен найти свое место, прижиться к нему.

Нам представляется, что специализация не исключает гармонического развития личности, более того, предполагает ее. Высоквалифицированный специалист представляет собой, как правило, цельную личность, для которой и чтение художественной литературы, и занятие спортом, и участие в общественной жизни — все складывается в одну «копилку».

Мы привыкли к сочетаниям: академик — альпинист, космонавт — художник, инженер — певец,

врач — музыкант, политический деятель — писатель. Нас особенно интересуют те случаи, когда различные виды деятельности не сосуществуют, не пребывают порознь, а сплетаются воедино, образуя органическое целое и служа общей цели. Великий ученый-физик А. Эйнштейн утверждал, что чтение книг Ф. М. Достоевского дало ему больше для научных исследований, чем труды по математике и физике. Выдающийся советский хирург С. С. Юдин играл на пианино и при этом тренировал свои руки. Из сказанного не следует, что для врача музыка — только средство для его профессиональной подготовки, что занятия альпинизмом всего лишь помогают астроному быстрее добраться до высокогорной обсерватории. Все разновидности человеческой деятельности могут и должны иметь собственное значение. Но их связь с общей целью усиливает их ценность. Таким образом, характер гармонического развития необходимо рассматривать конкретно, с учетом различий между людьми, с учетом их профессиональной принадлежности, положения в обществе, в коллективе.

К сказанному хочется добавить, что в любом случае гармоническое развитие непременно предполагает умение общаться с людьми, умение служить общему делу без помпы, без рекламы, просто и естественно. Это качество можно также назвать искусством быть хорошим человеком.

Много сил, настойчивости требуется порой человеку, чтобы найти себя, а еще больше — чтобы остаться собой, «жить по-своему», как выразился Владимир Котельников, пекарь из Таллина, о котором в марте 1979 года писала «Комсомольская правда». Этот интересный человек перепробовал множество профессий, учился в суворовском училище и на

юридическом факультете, работал кочегаром, метеорологом, рыбаком, пробовал себя в писательском деле, был электромехаником, кузнецом и под конец стал пекарем, и пекарем очень хорошим. Но главное, чем он овладел,— искусством быть простым, бесхитростным, общительным и добрым человеком, для которого важно не то, какую должность он занимает, а как выполняет свое дело и как относится к людям.

Свобода личности и ее гармоническое развитие достигаются только в коллективе. Горе человеку, если он один. Древняя мудрость гласит: «Если я — только я, то зачем же я?!» Коллективность — не только условие для развития личности, она и сама по себе высочайшая ценность и моральная цель. Коммунизм есть высшее проявление коллективности, есть осуществление единого человеческого общежития, человеческого братства.

Коллектив осуществляет различные функции. Это не только производственная, учебная и иная деятельность. Это и функция воспитания, создания определенного морально-психологического климата.

Коллектив объединяют общие цели и совместная деятельность, определенный порядок, дисциплина, организация и управление, его членов связывают межличностные отношения психологического, нравственного, эстетического характера, которые обеспечивают ему целостность и слаженность. Гармонию в коллективе следует рассматривать как согласованную деятельность людей, объединяющую их труд, их познавательное, нравственное и эстетическое развитие. Благодаря коллективу личность связана с обществом, с его институтами.

Развитому коллективу необходимы и соответствующим образом развитые люди, индивидуальные качества которых обладают свойствами совместимости,

взаимной дополняемости. В ответственных случаях члены коллектива специально проверяются на совместимость. Не шаблонность, а разнообразие и богатство человеческих личностей обеспечивают коллективу слаженность, прочность, превращают его в единое целое.

Как-то мне случилось прочитать книжку со странным названием «Четверть гения». В шуточной форме в ней рассказывалось, как четверо молодых ученых вместе составили группу и так удачно сочетали свои способности, что неизменно выигрывали в различных конкурсах и турнирах, блестяще решали научные проблемы, то есть вчетвером они составили как бы одного гения, а каждый в отдельности — четверть гения. Но говоря серьезно, правильное сочетание людей в коллективе — очень важное дело.

Полнокровный коллектив нуждается в своем вдохновителе — генераторе идей, в человеке беспокойном; ему нужен и лидер — твердый, волевой организатор; нужен моральный руководитель — «совесть коллектива», человек тонко чувствующий, умеющий снимать напряженность в конфликтных ситуациях, способный создавать благожелательную атмосферу в нем. Коллективу, как оркестру, нужен «дирижер» и нужны исполнители разных «партий». Член коллектива, активно участвуя в его совокупной деятельности, живет в нем всесторонней жизнью, хотя и играет собственную роль.

Образование коллектива — сложный процесс. В нем возможны и противоречия, и трудности. Ведь положительным качествам в человеке могут сопутствовать отрицательные, хорошие могут перерастать в плохие. Рассудительность может сопровождаться нерешительностью, всякого рода колебаниями и сомнениями. Принципиальность и убежденность подчас

оборачиваются безапелляционностью и догматизмом. Смелость и решительность порою сочетаются с грубостью и бестактностью, общительность — с назойливостью. В здоровом, дружном коллективе, где принята товарищеская критика, достигается хорошая взаимная компенсация разнородных человеческих качеств.

Воспитание — сложное и кропотливое дело, требующее большого такта. Для воспитания целеустремленности нужно умение найти такие средства стимулирования, которые пробуждают собственное стремление у человека.

Целеустремленность не формируется вне практической деятельности. Нельзя научиться плавать, не бросаясь в воду. Нельзя стать целеустремленным и активным человеком, посматривая со стороны на работу других. Естественно, на разных возрастных уровнях, в разных условиях целеустремленность имеет разный характер.

У малышей вырабатываются общие навыки самообслуживания, формируется привычка собственными силами добиваться намеченных целей, пусть самых простых и маленьких, но непременно своими силами. Школьники, даже младшие, в наше время имеют достаточно развитые представления о человеческих ценностях, в том числе о твердости характера, о силе воли, о верности слову и других. Это позволяет в работе с ними применять моральные стимуляторы и регуляторы поведения.

Достижение цели дает человеку право на уважение, повышает его престиж. Но пусть в первую очередь наградой ему будет само достижение цели, полученный результат, а не та или иная награда за настойчивость и усердие. Не следует допускать, чтобы цели превращались в средства.

Пусть каждый сам «творит себя». Но для этого требуются ориентиры, нужны советники и наставники. Пример старших, сверстников, исторических и литературных героев, вообще положительный, вдохновляющий пример имеет очень большое значение в развитии целеустремленности у молодых людей. А они, в свою очередь, испытывают острую внутреннюю потребность в нем.

Говорят: «Кто никуда не плывет, для того не бывает попутного ветра». Если человек сам стремится «найти себя», определить свой жизненный путь, ему легко помогать. В каждом нормальном человеке заложена потребность осознать смысл своей жизни, потребность в жизненной цели, стремление к собственному гармоническому развитию. Эту потребность нужно разбудить, дать ей правильное направление.

Человек сам находит свое место в жизни, «которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим»¹. Общество вооружает человека знаниями, необходимыми для принятия правильных жизненных решений, но решения принимает сам человек, он сам формирует «модель» собственной личности.

Направленное формирование личности, естественно, предполагает определенные моменты управления. Но это особый вид управления, в котором активно участвует и сам управляемый субъект. Социальные нормы, принципы и требования усваиваются им и становятся средствами саморегуляции.

В процессе формирования личности в первую очередь важно, чтобы у нее складывались те качества, которые в последующем станут для нее первоосновой и орудием самовоспитания, внутренними регуляторами поведения. Вряд ли можно успешно

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 510.

использовать моральные средства воздействия на человека, если у него не развито чувство совести, стыда за нехороший поступок. Такой человек обречен на моральную глухоту в отношениях с людьми.

В процессе формирования моральных качеств есть своя логика, последовательность, нечто вроде «сетевых графика». Сначала формируются некоторые первичные, но очень важные нравственные представления и привычки поведения («строительные леса»), затем механизм самоконтроля и самооценки («судьи», которые всегда с тобой), далее — регуляторы группового поведения и общения, социально-политические качества, необходимые для ведения коллективной и общественной жизни. Возникающие человеческие качества непрерывно развиваются, совершенствуются, согласуются и взаимодействуют между собой, образуя гармоническое целое. Растет *самосознание* личности, складывается ее *активная жизненная позиция* и творческая установка по отношению к общественной жизни, к себе самому. Так осуществляется развитие человеческой личности, в основе которого лежит ее социальная активность.

Заключение

Думается, ничто так не сковывает волю, ничто так не глушит творческие стремления и порывы, как пессимизм, проявляющийся в неверии в осуществимость человеческих усилий, в торжество правого дела. Бессильно опускаются руки, душа наполняется тоской при мысли, что все усилия тщетны, а добрые стремления превратятся в беду для тебя и для других.

Есть такая страшная болезнь — абулия, полнейшее поражение воли, неспособность что-либо предпринять, абсолютная скованность. Пессимизм порождает моральную абулию, отравляет горечью сознание, отнимает силы, лишает жизнь всякого смысла.

Пессимизм — явление не новое, у него давняя и сложная история. В разные исторические моменты он играл разную социальную роль. В годы, предшествовавшие социальным бурям и потрясениям, он выступал порой в роли морального обвинителя или нравственного барометра. Но в целом пессимизм играл и играет отрицательную историческую роль.

Пессимистические идеи были известны в античном обществе. Их можно встретить у Гомера и Гесиода, а позднее у стоиков. Неизбежные, по их мнению, жизненные страдания были возведены ими в ранг

морального достоинства, терпение рассматривалось как добродетель.

Культ страданий достигает кульминации в христианской религии и в некоторых других вероучениях. «И возненавидел я жизнь... ибо все — суета и томление духа... Все произошло из праха, и все возвратится в прах», — написано в библейской книге Екклесиаста. Земное бытие — юдоль страданий, тяжелых испытаний и скорби. Блаженство же — только на небесах. Так учит христианская церковь.

Оппонентом пессимизма всегда выступала сама жизнь. Мало кто решался откупиться от страданий ценой самой жизни, включая и религиозных фанатиков. Идеологическая же оппозиция пессимистической морали сложилась в эпоху Возрождения. Оптимизм нового времени опирался на твердое убеждение во всемогуществе человеческого разума, на веру в силу воспитания, в возможность совершенствовать и человека, и человеческое общество.

Появились мечты о грядущем мире справедливости, равенства, братства и гармонии, о «Городе Солнца», о прекрасном острове «Утопия», где все равны и совместно пользуются общими благами. Прогрессивные общественные движения опирались на оптимистическую уверенность в возможности построить лучшее человеческое общество на земле.

Оптимизм — отнюдь не розовые очки. Вольтер и Руссо, Белинский и Чернышевский беспощадно бичевали действительность, феодальные порядки и самодержавие, но при этом хранили непреклонную веру в светлое будущее. К. Маркс и Ф. Энгельс проклинали немецкую действительность с ее бюрократизмом и верноподданническим низкопоклонством, но одновременно дали миру истинные лозунги борьбы и движения вперед. Пессимизм же боится будущего.

Во второй половине прошлого века большое влияние на умонастроение определенной части буржуазного общества получили пессимистические взгляды немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра (1788—1860). Оптимизм он называл издевательством над страданиями человечества, а последнее — истинным уделом человека. Жизнь, полагал он, всегда протекает трагически, и особенно трагичен ее конец. Цель жизни — смерть. Воля жизни, за которую ратовал философ, превратилась у него в волю к смерти.

Другой певец пессимизма, немецкий философ-идеалист Эдуард Гартман (1842—1906), отрицал всякую возможность счастья и потустороннего, и земного, достигаемого в результате общественного прогресса. Все это он считал иллюзией.

В русле пессимизма сформировалось весьма популярное в конце XIX — начале XX века ницшеанское направление. Его теоретической подоплекой являлось неверие в общественный прогресс, а этической базой — моральный релятивизм, отвергающий традиционные категории добра и зла, и презрение к массе. Немецкий философ Ф. Ницше (1844—1900) отрицал и религиозную, и светскую мораль. «Бог умер, мы его убили... Необходимо уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь». Его работы пронизаны предчувствиями грядущего кризиса, кризиса культуры в первую очередь.

Неверие в прогресс, пессимизм характерны для взглядов немецкого философа О. Шпенглера (1880—1936), автора известной работы «Закат Европы», вышедшей в свет в 1918—1922 годах. О. Шпенглер был последователем Ф. Ницше, особенно во взглядах на гибель западной культуры. У каждой культуры, полагал О. Шпенглер, своя судьба, свой стиль, свой

ритм и своя смерть. Культура на определенном этапе своего развития перерождается в цивилизацию, теряет свою жизненность, становится чем-то мертвым и механическим. Сегодня в буржуазном мире такое представление о цивилизации получило широкое распространение. О. Шпенглер оказал влияние на английского историка и социолога А. Тойнби, других представителей философской и социальной мысли на Западе.

Чувство пессимизма, охватившее буржуазное общество, предельно остро выразила «философия существования», или экзистенциализм. Это пестрое идейное течение сходится на том, что существование человека в мире есть комплекс мрачных и тяжелых переживаний: страха, растерянности, одиночества, вины. Один из предшественников экзистенциализма, датский религиозный философ С. Кьеркегор (1813—1855), утверждал, что назначение человека состоит в том, чтобы довести себя до высшей степени презрения к жизни. В ней, считал он, все достойно сожаления: женись — и ты раскаешься, не женись — и ты раскаешься, что ни сделай, обо всем пожалеешь.

Пессимистические оценки действительности и перспектив развития человеческого общества стали преобладающими в буржуазной идеологии. Показательна в этом отношении эволюция взглядов американского социолога Д. Белла, который продолжительное время, стремясь влить «эликсир бодрости» в буржуазное мирознание, пропагандировал идеи индустриального и постиндустриального развития капитализма с вытекающими из него благами массового благосостояния и потребительского изобилия. Но в конце 60-х годов вышла в свет его книга «Кризис идеи прогресса», в которой прозвучало признание: «У нас нет ни общей цели, ни общей веры, одна

растерянность». Надежды на «второе дыхание», которое сможет придать капитализму научно-техническая революция, рушатся. Д. Белл приходит к выводу, что современное буржуазное общество исчерпало свой «прогрессивный потенциал». В 1968 году появилась книга французского социолога Р. Арона «Разочарование в прогрессе», полная мрачных прогнозов. Буржуазные футурологи предрекают тяжелые времена, ссылаясь при этом на авторитетные изыскания Римского клуба и других социологических и экономических организаций: резкий спад активности, перенасыщение в области науки и техники, экологический и демографический кризисы, а также другие бедствия и неразрешимые противоречия.

Дух неверия и упадничества пронизывает буржуазную литературу. Литература, кино, телевидение капиталистических стран отравляют сознание молодежи картинами ужасов, насилия. И если изо дня в день видеть сцены морального и физического насилия над человеком, глумления над его достоинством, то представление о личности как о высшей цели и ценности неизбежно разрушается, подрывается вера в добро.

Капитализм, верно подчеркивал советский педагог А. С. Макаренко, убивает в человеке самое главное — представление о смысле жизни. Сегодня неверие в будущее, апатия, чувство бесперспективности, потеря интереса ко всякой деятельности, «аллергия на труд» — основной синдром буржуазной духовной жизни. У больного общества большая идеология. Поражает она большей частью сознание социально неустойчивых групп, людей, не определивших своего классового положения, интеллигенцию, средние слои общества, молодежь, только вступающую в жизнь.

Влияние пессимизма проявляется по-разному в разных социальных слоях буржуазного общества. Битники и хиппи шокировали добропорядочных обывателей. Их бунт не шел дальше «нападений» на принятые манеры поведения. Это было бегство от действительности посредством наркотиков, алкоголя, секса — нередко карикатурные, уродливые формы протеста, гримасы душевной пустоты и разочарования в жизни. Шумно и бестолково вырвались на авансцену экстравагантного молодежного движения панки. Они не мылись, одевались в грязные рубища, клочьями выстригали себе волосы и красили их в невероятные цвета. От этих выходок коробило хранителей строгой морали, но в целом никакого ущерба для буржуазных порядков ими причинено не было. В Японии появились молодые люди, которые на сверхмощных мотоциклах без глушителей носились по дорогам на предельной скорости, создавая аварийные ситуации, но нимало не сотрясая основ буржуазных порядков. И так, показное лихачество, погоня за острыми ощущениями, а на деле — растерянность, отсутствие настоящего дела.

В 60-е годы Соединенные Штаты Америки пережили «бурное десятилетие». Тут были и марши протеста против грязной войны во Вьетнаме, и массовые сожжения мобилизационных предписаний, выступления за права цветного населения. Дело доходило до вооруженных столкновений с полицией и войсками. Молодежь выражала свое несогласие с буржуазными порядками. Однако ее нападки на буржуазный «истеблишмент» нередко носили анархистский, нигилистический характер. Терпя неудачи, их участники впадали в уныние.

Сегодня можно сказать, что спрос на экстравагантность среди западной молодежи заметно пошел

на убыль. Среди нее повеяло духом практицизма, прагматизма. Вспышки анархистской активности 60—70-х годов вызвали разочарование. Не панки, не рокеры стали типичным явлением. Появились так называемые моды — опрятные молодые люди с «приятными манерами». Они не прочь «устроиться», занять приличное местечко. Уход от социальных проблем может превращаться и в поиск «индивидуального убежища». Кто теряет веру в возможность справедливой и счастливой жизни для всех, тот решает искать свой шанс в одиночку. Это тоже своеобразный пессимизм, одна из его форм.

Пессимистический взгляд на мир в зародыше убивает всякий замысел, направленный на переустройство мира, ибо, мол, все подобные усилия ведут только к худшему. Но спрашивается: кто заинтересован в том, чтобы люди, и в первую очередь молодые, впадали в апатию, отказывались от активной жизненной установки? В этом могут быть заинтересованы только те, кто хотел бы отвлечь трудящихся от борьбы за свои права, кто хотел бы противостоять влиянию на них марксистско-ленинского учения.

Однако в капиталистическом мире существует и другое молодежное движение. Его основа — молодые коммунисты, члены молодежных демократических организаций. Политическая активность молодежи в целом непрерывно растет. Не всегда эти выступления имеют ясную программу, четкую организацию. Организованность, ясность целей приходят со временем.

«Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился»...»¹ — писал В. И. Ленин. Да, наша эпоха вы-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102.

двигает массу проблем и альтернатив, поскольку ее главным содержанием является противоборство двух социальных систем. Мы живем в переломный период мировой истории, исключительно богатый различными тенденциями. Но главной, магистральной линией общественного развития, пролагающей себе путь через все конфликты и столкновения, является рождение новой, коммунистической формации.

Коллизии социального характера, которые переживает буржуазное общество, усугубляются негативными последствиями научно-технического прогресса, особенно военно-техническими достижениями. Высочайшие темпы исторических перемен, сложность социальных проблем вызывают нервные и моральные перегрузки, потерю ориентиров, паническое чувство растерянности. Человечество вошло в зону штормов. И как поведет себя в ней земной «корабль», зависит только от людей, от соотношения сил разума, доброй воли, гуманизма и темных сил безумия, злобы. Людей, отвергающих путь войны и обострения международных отношений, намного больше, чем врагов разрядки и разжигателей военной истерии.

В социалистическом обществе нет социальной почвы для распространения пессимизма. Однако мы не изолированы от чуждых влияний. К тому же и в нашем обществе человек не застрахован от различных жизненных трудностей, он может видеть отступления от социалистического образа жизни, встречаться с рецидивами обывательской психологии, с пьянством, паразитизмом, преступностью. За этими явлениями стоят бесцельность существования, духовная нищета, безразличие к общественным делам, неверие в свои силы. У людей близоруких упадок настроения могут вызывать и временные хозяйственные трудно-

сти, и неполадки в снабжении. Они ворчат, вместо того чтобы, засучив рукава, бороться с недостатками.

Для большинства советских людей характерна моральная чистота и ясная коммунистическая целеустремленность. Из этого, однако, вовсе не следует, что люди растут активными и целеустремленными так же просто и естественно, как с весенним теплом зеленеет трава и расцветают цветы. Объективная устремленность нашего общества в будущее должна с необходимостью подкрепляться работой по воспитанию сознательного стремления к активному участию в общем деле.

Целеустремленность убивают бездушный формализм и мелочная опека. Она может слабеть под тяжестью перегрузок, чрезмерных трудностей. Она вянет также, если вовсе не встречает никаких затруднений.

Наследственная обеспеченность, доступность благ за родительский счет — нередкая причина «сердечной недостаточности» и эгоизма среди молодежи. Поэтому и в благополучных семьях могут таиться бациллы пессимизма, безволия. В результате вырастают вялые «нехотяи» — обуза для общества, крест для семьи и доука для самих себя.

В наши дни молодые люди довольно поздно мужают. Детство затягивается, акселерация сопровождается инфантильностью. Поэтому трудности адаптации при расставании с детством нередко вызывают у них пессимистические настроения. Пессимизм в переходные моменты жизни — явление распространенное. Это «возрастной» пессимизм, связанный с необходимостью выбора жизненного пути, с незнанием жизни, своих собственных сил и способностей, со сложностью процесса «приживания» в учебных, производственных или воинских коллективах. Для

его преодоления очень полезны советы старших, внимательное и тактичное отношение, нужна поддержка в профессиональной и жизненной ориентациях. За такой помощью и советами молодым людям следует обращаться без ложной застенчивости. «Возрастной» пессимизм проходит, как корь или свинка.

Бывает пессимизм «травматический». От него застраховаться трудно. Возникает он по поводу различных жизненных неудач, болезней, обид, они могут надломить человека, подорвать его уверенность в себе, в своих силах. В таких случаях важно помочь человеку, защитить его от обидчиков, дать окрепнуть. Там, где строго соблюдаются права и свободы, предоставленные человеку социалистическим обществом, где свято охраняются принципы и нормы социалистического образа жизни, где кипит дружная работа, там пессимизм — явление исключительное. Он обычный спутник нарушений указанных принципов и норм. Забота об их соблюдении есть забота о духовной чистоте членов социалистического общества.

Нельзя не согласиться с советскими философами П. Ландесманом и Ю. Согомоновым, которые пишут: «...пессимизм в условиях грандиозных по своим масштабам и основательности исторических сдвигов, роста самосознания и активности масс превращается в опасное социальное явление, а спор с ним — в жгучую потребность времени».

Целеустремленность — величайшая моральная сила. Она воистину придает людям крылья, рождает массовый героизм. В любом коллективе есть люди, которые могут служить образцом целеустремленности.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXVI съезду партии, с которым выступил

Л. И. Брежнев, говорится: «Да, советские люди с уверенностью смотрят в завтрашний день. Но их оптимизм — не самоуверенность баловней судьбы. Наш народ знает: все, что он имеет, создано его собственным трудом, защищено его собственной кровью. И мы оптимисты потому, что верим в силу труда. Потому, что верим в свою страну, в свой народ. Мы оптимисты потому, что верим в свою партию, знаем — путь, который она указывает, — единственно верный путь!»¹

Коммунистическая целеустремленность опирается на реальные силы и сама является реальной силой нашего общества. Вера в будущее, ясность исторических целей, выбор правильных ориентиров — это отличительные черты того нового типа человеческой цивилизации, который возник в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, утвердился в условиях развитого социалистического общества и успешно развивается в ходе строительства коммунизма.

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 80.

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Многовековой спор</i>	7
<i>Диалектика цели и средств. Цель и счастье</i>	49
<i>Знать, стремиться, хотеть и мочь</i>	71
<i>Заключение</i>	85

Олег Яковлевич Стечкин

ЦЕЛЬ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*

Редактор *М М Беляев*

Младшие редакторы *Ж П Крючкова* и *Е. С. Молчанова*

Художник *А. О. Семенов*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *М И Токменина*

ИБ № 2586

Сдано в набор 17.03.81. Подписано в печать 15.06.81 А00104 Формат 70×108¹/₃₂ Бумага офсетная Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная Условн. печ. л. 4,2. Учетно-изд. л. 3,85. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 1081 Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

«Удовлетворите всем желаниям человека, но отымите у него цель в жизни и посмотрите, каким несчастным и ничтожным существом явится он. Следовательно, не удовлетворение желаний — то, что обыкновенно называют счастьем, а цель в жизни является сердцевинкой человеческого достоинства и человеческого счастья».

К. Д. УШИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

